

Сергей Протасов

НЕ ТИХИЙ ТИХИЙ ОКЕАН

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Сергей Протасов

**Цусимские хроники.
Не тихий Тихий океан**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Протасов С. А.

Цусимские хроники. Не тихий Тихий океан / С. А. Протасов —
«Издательство АСТ», 2019 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-156924-2

Казалось, все уже решено. Победа близка и вот-вот должна заслуженно упасть в руки. Но не все так просто. Чтобы победить, нужно еще отстоять ее плоды, доказать свое право на нее. Не дать украсть из-под самого носа, как уже бывало. А это может оказаться даже труднее, чем выиграть решающее сражение. И тут очень важно именно сейчас найти в себе силы не останавливаться, продолжать борьбу. Решиться рискнуть, если не всем, то очень многим, чтобы все же довести дело до конца.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-156924-2

© Протасов С. А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	38
Глава 6	43
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сергей Протасов

Цусимские хроники

Не тихий Тихий океан

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 245

Иллюстрация на обложке Владимира Гуркова
Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

© Сергей Протасов, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*А за Хоккайдо осенью штормит!
Волна бьет в борт, сырых туманов клочья!
И ветер зло в рангоуте гудит
И воет в леерах, как стая волчья!*
Слова из песни

Глава 1

После возвращения броненосцев с Цусимы и прихода обоих больших караванов транспортов из европейской части страны подготовка к финальной операции этой войны вступила в завершающую стадию. Теперь это уже не казалось авантюрой. Всего, что хотели, естественно, не получили и сейчас, но самые острые вопросы как минимум удалось сгладить. Раньше, используя только железную дорогу, даже мечтать о таком не могли, что заставляло сомневаться – стоит ли вообще начинать?

Согласно основному плану окончания кампании, составленному Дальневосточным военным советом еще на первом его заседании, раньше всех предстояло прийти в движение маньчжурским армиям Штакельберга. Ориентировочно в конце сентября. Флот тем временем должен был заниматься восстановлением боеспособности и активизироваться несколько позже.

Но обстоятельства сложились таким образом, что в преддверии жестоких боев у порога японской столицы, в первую очередь морских, пришлось предпринять внеплановую и весьма рискованную экспедицию на Цусиму, начавшуюся даже на один день раньше, чем «громыхнуло» в Маньчжурии. И хотя в итоге все получилось даже лучше, чем могли надеяться, сильно омрачало настроение тяжелое ранение Рождественского.

Потребовались срочные кадровые перестановки на дальневосточном высшем и местном уровне. Но и после них, в точности исполнив загодя подготовленные на этот случай предписания Зиновия Петровича, уверенности в том, что преемники не оплошают, не было. И дело вовсе не в какой-то особой одаренности бывшего заместителя. Ничего особо гениального он не изобрел. Скорее, с какой-то непонятной многим фатальной обреченностью упорно проталкивал рожденные другими идеи, порою казавшиеся сомнительными, при этом без тени сомнения взваливая на себя гигантскую ответственность одним росчерком пера. Такой подход в сочетании с расширенными особым императорским указом полномочиями позволил исключить большую часть бюрократических этапов, существенно ускорив реализацию.

Те, кто понимал полезность новшеств, вводимых им, целиком разделяли и применявшиеся при этом авторитарные методы. Он говорил, что убеждать сомневающихся некогда. Несогласных же – не имеет смысла. Проще подождать. Время покажет, кто был прав. А такое их либо бесило, либо (что гораздо хуже) заставляло искать другие способы возражать или даже противодействовать.

Усугубляло все это дело и нежелание Рождественского, в большинстве случаев, пояснять хотя бы мотивы принятия тех или иных решений. Его сторонники оправдывали «шефа» острой нехваткой времени, а штаб пытался компенсировать информационными и аналитическими бюллетенями.

Но такие, в общем-то, прогрессивные и весьма эффективные меры не перекрывали все еще прорезавшихся иногда неприятных сторон характера. Таких как манера разговаривать, стоя спиной к малозначимому или несимпатичному лично ему собеседнику, или испепелять взглядом за малейший проблеск недопонимания. Не говоря уже о резкости, пусть в изрядно «усохшем» виде, но все же сохранившейся после всех перемен.

В итоге образовавшееся сосредоточение власти, а возле нее скрытое и явное недовольство, породило толпы завистников и недоброжелателей. И даже прямых врагов. Ведь если было нужно для дела, он не боялся испортить отношения без оглядки на чины и положение и точно так же мог возвыситься без учета ценза или старшинства производства, когда было за что.

Вряд ли найдется кто-то способный продолжить в том же духе. Тем более что его рывок поперек сложившихся устоев, благодаря внезапности оказавшийся таким эффективным, уже угасал. А реакция со стороны государственной системы на все новшества была далеко не одно-

значной, и ее противодействие стремительно нарастало. Сейчас порой даже было непонятно, за кого она «воюет».

На Дальнем Востоке, да и в столице тоже, имелось немало офицеров разных уровней, видевших и хорошо понимавших это. И сейчас дело продолжалось уже ими. Они спешили, чтобы успеть доделать начатое. Пусть далеко не все можно было просчитать, но неосознанно, интуитивно они чувствовали, как в детской мальчишеской драке – если не дожать сразу, прямо сейчас, через боль, через слезы, потом всей этой горечи будет гораздо больше, но ничего уже не выправишь. Пусть на инерции, на излете, местами «обтекая» чью-то волю, а где и наперекор! Выстрелив все до железки, выбрав до донышка! А дальше... Победителей не судят, наверное!.. Оставалось лишь победить.

Планом опять предусматривалось разделение сил на этапе развертывания, для запутывания японской, а теперь еще и английской разведок. Но в завершающей фазе русские отряды и эскадры, караваны транспортов с войсками и отдельные суда снабжения должны были объединиться в мощный кулак.

Учитывая расстояния, при имевшихся средствах связи говорить о надежной координации действий между группами и одновременном соблюдении секретности не приходилось. А именно секретность являлась самым главным условием, дававшим шанс на успех всего дела.

В таких обстоятельствах гарантировать достижение поставленных целей можно было лишь строгим выполнением своей части общего плана каждым из участников многоходовой операции. Только так сохранялась вероятность сокрытия истинных целей отдельных мероприятий, уже на финише складывавшихся в единое целое.

Для отслеживания соблюдения графика движения всеми участниками предусматривались по три точки ожидания для всех соединений. Добравшись до них, каждый командующий должен был получить подтверждение, что все идет по плану, и лишь после этого приступить к исполнению следующего этапа.

А чтобы ушедшие в дальний поход не оглядывались с тревогой себе за спину, еще до их отправки резко форсировали запланированные ранее оборонительные мероприятия. Организации и реализованные конструктивные замечания по итогам последнего японского набега на наше побережье, уже прозванного в широких кругах «Владивостокской побудкой», несомненно, шли в зачет, но дел еще было...

В первую очередь решили продублировать проводные линии связи в окрестностях залива Петра Великого (по причине сложного рельефа плохо защищенные от диверсий) современными станциями беспроводного телеграфа. Для этого в самом Владивостоке оставили только одну радиостанцию, расположенную в районе Нахальной слободки и именуемую с самого начала «Мощная береговая станция № 1». А вторую, с Орлиного Гнезда отправили на артиллерийский полигон в залив Посъет. Две другие, оставшиеся от закупленных для маяков¹, разместили на мысе Поворотный и в заливе Стрелок, где продолжалось строительство береговых укреплений.

¹ В реальной истории весной 1905 года были закуплены три станции для установки на маяках залива Петра Великого. Но ни одна из них на маяки так и не попала. Вообще же во Владивостоке к маю 1905 года были установлены два самые мощные в России береговые радиостанции. Первая, закупленная у фирмы «Телефункен» и идентичная аппаратам, приобретенным для 2-й эскадры, с самого начала получившая название «Мощная береговая станция № 1», была смонтирована в районе Нахальной слободки осенью – зимой 1904–1905 годов. Ее расчетная дальность достигала 1000 км (по факту несколько меньше). Весной ее усилили, доработав антенное хозяйство, планируя использовать и для связи с армией в Маньчжурии. Но если над водной поверхностью она теперь выдавала более первоначально запланированного, то над гористой сушей – нет. Тогда на высоте Орлиное Гнездо установили еще одну станцию. Как раз состоялась сделка по приобретению трех аппаратов для маяков залива Петра Великого. Один из них и собрали на новом месте, назвав его «Мощная станция № 2». Смысл этого действия не совсем ясен, поскольку ее расчетная дальность в 450 км над сушей была меньше первой и явно недостаточна для связи с Харбином, что и подтвердилось весной 1906 года, когда закончили монтаж аналогичной Харбинской станции (второй из этой серии). Третью отправили в Николаевск-на-Амуре, но смонтировали уже после окончания боевых действий.

Приняли ряд мер по повышению надежности береговой проводной линии, уходившей к заливу Ольги и бухте Владимира. Начали подбирать места для еще двух станций на побережье между Владивостоком и Николаевском-на-Амуре, что позволило бы обеспечить более устойчивую связь по радио в пределах наиболее «глухой» северной части Японского моря. Прорабатывались проекты радиолинии через Сахалин и Курилы до Камчатки.

Крайне низкая освоенность Дальневосточного края с самого начала серьезно осложняла все это. Однако заниматься полноценными исследовательскими изысканиями сейчас было недосуг. Назначенный еще Рождественским на должность распорядителя-топографа штабс-капитан Арсеньев², получив грозную бумагу с подписью самого наместника, развил кипучую деятельность, доведя ею до нервного тика председателя местного яхт-клуба, а заодно и всех попечителей охотобщества; совершенно загоняв подчиненные ему все четыре конно-охотничьи команды крепости, он за полгода изловчился составить вполне приличные карты прибрежных территорий от Владивостока до самого Николаевска-на-Амуре. Опираясь на них, сейчас и действовали.

Сопоставление этих карт с трофейными японскими позволило выявить наиболее уязвимые места, где и усиливали, а чаще всего заново формировали оборону, строили батареи, размещали гарнизоны, планомерно, поэтапно совершенствовали наспех прокинутую телеграфную связь.

С приходом конвоев значительную часть вопросов по снабжению на этих направлениях удалось закрыть. А начавшийся приток пленных и арестованных за растраты, саботаж, шпионаж и незаконный промысел позволил худо-бедно решить проблему нехватки рабочих рук, так что дело сдвинулось.

Даже самый больной денежный вопрос удалось разрулить. Причем резко, буквально скачком. В течение всего трех недель погасили все просроченные платежи флота и крепости, с ходу заключив еще целый ряд увесистых контрактов на перспективу, в том числе и с иностранными предприятиями.

Однако последнее обстоятельство вызвало сильное неудовольствие в столице, что грозило даже срывом достигнутых договоренностей с подрядчиками. После того как на войну и связанные с ней экстренные нужды Дальнего Востока в кратчайшие сроки израсходовали до последней копейки немалый кредит, предоставленный немцами, из Санкт-Петербурга все настойчивее звучали призывы уgomониться. Причем во всех смыслах. Вбухивать и дальше такие деньжищи в окраину там казалось неразумным. Тем более что к октябрю уже получили осязаемую отдачу, в то время как угроза вторжения английских эскадр не только в крайние восточные владения, а даже в Финский залив в направлении столицы начала обретать все более реальные контуры.

С берегов Невы при такой конфигурации распределения наших и английских морских сил, а особенно их технического состояния, шансов оборонить все построенное на берегах Тихого океана виделось откровенно мало. Особенно учитывая слабость на данном направлении и наших новых союзников.

В этой связи в последней зашифрованной телеграмме из-под «шпица» рекомендовалось прекратить активные действия против Японии и предоставить завершить дело дипломатам, уже работающим в нужном направлении. Активизировались и возможные посредники, выдвигая собственные мирные инициативы.

² *Арсеньев Владимир Клавдиевич* – автор книги «Дерсу Узала» и других. В 1900 году в возрасте 28 лет в чине поручика подал прошение о переводе на Дальний Восток и служил в 1-м Владивостокском крепостном полку. За следующие пять лет обследовал весь юг Приморья, ведя разведку чисто военного характера. В реальной истории во время Русско-японской войны 1904–1905 годов А., уже поручика 29-го Восточно-Сибирского полка, назначили начальником всех четырех охотничьих команд Владивостокского гарнизона, объединенных в единый летучий отряд военной разведки. С этим отрядом на правах батальонного командира А. производил рекогносцировки.

При этом с Певческого моста, явно прогибаясь под давлением извне, всячески одергивали военных, в первую очередь, конечно, вошедших в раж моряков, предостерегая от опрометчивых шагов, могущих задеть британские интересы. А из Морведа еще и требовали сохранить боеспособность оставшихся броненосных кораблей и как можно быстрее привести их в надлежащий вид, для возможной срочной отправки на Балтику.

Не отставало и Военное ведомство, после успеха последнего наступления на Сыпингайских позициях, вместо попыток развить его, пока враг не опомнился, практически прекратившее поставки вооружений и боеприпасов в Маньчжурию. Ибо свое делать не успевали, со складов центральных военных округов выгребли почти все, а покупать за границей – *дорого!*

При этом имелись сведения о крайней обеспокоенности Франции соблюдением Россией союзнических обязательств по отношению к ней, в свете заключенного торгового договора с Берлином. Третья республика встала в позу «потерпевшей», опасаясь скорого германского вторжения, предотвратить которое способны только русские полки, грозно сверкающие штыками на западных границах немецких земель.

В качестве жеста доброй воли Парижем предоставлялась отсрочка выплат по уже освоенным кредитам (что еще совсем недавно даже обсуждать отказывались) и возможность получить новые ссуды прямо сейчас, с размещением обширных военных заказов на французских предприятиях. Но никаких предложений о поддержании военной силой в случае агрессивных действий со стороны Англии из Парижа не поступало.

Несмотря на явную «кособокость», это предложение сейчас обсуждалось на высшем уровне. В газетах писали, что от союзных обязательств Петербург не отказывается. Однако приостанавливает их действие. Причиной указывается не так давно заключенный «странный» договор о «Сердечном согласии» с Лондоном, который в Петербурге кажется неуместным при союзе Франции и России. Великобритания, как союзник Японии, является, по сути, участником конфликта. Хоть и косвенным. А посему в Елисейском дворце должны определиться: кто же их настоящий союзник или даже союзники, учитывая новый германский вектор?

Обо всем этом при встрече со своим недавним титулованным подчиненным поведал прибывший в свите великого князя Николая Николаевича генерал-майор Раух, бывший командир лейб-гвардии Кирасирского полка, в котором Михаил Александрович до недавнего времени командовал эскадром.

Еще он рассказал, что в столице идет серьезная подковерная борьба прогерманцев – сторонников новых веяний, и профранцузов (по сути проангличан), выступающих за уже привычную международную ориентацию. Именно этим, в первую очередь, вызваны столь массовые «миграции» великих князей. В том числе и на театр боевых действий. И чем закончится в столице, угадать до сих пор невозможно. И все на фоне весьма беспокойной политической ситуации в стране.

При этом некоторые военные в Генеральном штабе и в Морском ведомстве склоняются к мысли, что как теперь ни поверни, вполне может статься, что вскоре после этой войны снова с кем-то да воевать придется. Не с Англией, так с Германией. Но огромной стране остро как никогда требовалась передышка, обеспечить которую могла только скорейшая и убедительная победа на Дальнем Востоке.

А государь император, на чье прямое покровительство на российских берегах Великого океана уже привыкли опираться и особенно надеялись теперь, почему-то молчал!.. В то время как его окружение язык за зубами держать никогда не умело, да и не хотело, чем многие и пользовались.

Помня про внезапное появление всего японского флота у Цусимы, когда пришли туда с десантом, опасались, что о содержании секретной депеши и всех сопутствующих ей инструкциях и обстоятельствах уже известно в Лондоне и Токио, а потому перспектива *таких* мир-

ных переговоров напрягала. Куда политики могут спустить плоды побед, доставшихся немалой кровью, представлялось вполне отчетливо.

Потому решили, опираясь на ранее полученные директивы и прямые распоряжения из канцелярии его величества, игнорировать последние, как всегда, предельно размытые инструкции из-под «шпица» и продолжать реализовывать задуманное, к тому же уже одобренное на *самом* верху и детально распланированное здесь, на месте. В конце концов, приказ о начале операции «Катана» подписан *самим* и до сих пор им не отменен. А более никем и не может быть даже оспорен. Почти все приготовления закончены, корабли и люди готовы (насколько это возможно), а время не ждет.

Глава 2

Но Дальний Восток, он на то и дальний, чтобы из всяких Европ долго все докатывалось. Во Владивостоке пока лишь на главном штабном уровне знали (точнее говоря, подозревали) о возможной скорой «перемене ветра», но молчали и виду не показывали. Но вовсе не потому, что хотелось шашкой помахать. Навоевались уже досыта. Скорее, опасались ответной реакции снизу. Потому как все было по-русски. Запрягали долго, потом наконец поехали, а сейчас и понесли. Попробуй теперь останови.

Тем временем все, что ниже, жило своей обычной жизнью. Война вроде бы ушла куда-то за море, оставив на берегу только напряженную суету, скрашиваемую достойным вознаграждением за труды и предвкушением чего-то лучшего, непременно ждущего впереди. Город развивался и отстраивался невиданными доселе темпами. Уже думали, как жить после войны, и начали проявляться другие приоритеты.

По кабакам ходили упорные слухи о несметных россыпях серебра и даже золотого песка и самородков, перехваченных на контрабандистских шхунах, пробиравшихся из Охотского моря. Что это благодаря содержимому их трюмов, выменянному ушлыми американцами на спирт у коряков и эвенков в окрестностях Охотска и Олы, наполнилась казна наместничества на Дальнем Востоке.

Изрядно подогревали подобные пересуды и появившиеся во Владивостоке чиновники казначейства, которых ранее здесь отродясь не видели. А особенно их неизменное сопровождение вооруженной охраной и жандармами, коих тоже стало намного больше.

Поговаривали, что Линдгольм уже подбирает знающих, опытных людишек для промышленной разработки богатых золотых россыпей, найденных на том далеком и опасном берегу. И никого не смущало, что короткое лето в Охотском море кончилось, а зимой там делать нечего, поскольку кроме охоты заняться нечем. А это ремесло кормит коренных жителей, конкурировать с которыми бесполезно, да и опасно.

Официальные комментарии о начале национализации предприятий российских и иностранных подданных, уличенных в организации недавних беспорядков и обвиненных в государственной измене, (чем на самом деле и занимались указанные чиновники) считали отговорками, призванными скрыть истинную суть вопроса. Авантюристам, которых в здешних местах всегда хватало, кружило головы золото, что мерещилось им всюду.

Но слухи слухами, а дела тоже делались. Причем едва ли не с еще большей основательностью. В условиях, когда судоремонтные мощности Владивостока в значительной степени отвлекались на срочное оборудование большого числа пароходов для перевозки войск, появился большой риск не успеть уложиться с ремонтами в сроки, что изначально давал штаб наместника. Даже при условии круглосуточной работы, в том числе и экипажей, времени все равно не хватало.

Грохот кувалд, заклепочников и прочего инструмента дополнялся лязгом и скрежетом передвигаемого, поднимаемого или отчищаемого железа, шипучим треском сварочных аппаратов. Эта «музыка» в порту и в бухте Новик не стихала ни днем, ни ночью. Густой дух битума, олифы, грунтовок, всевозможных лаков, красителей, отвердителей и пропиток, ежедневно расходуемых даже не ведрами, а бочками, не успевало разгонять ветром.

К обычным запахам большого ремонта на корабле теперь во многих местах обильно при­­мешивался новый, совсем необычный. В Золотом Роге и бухте Новик одновременно работало по несколько сварочных бригад. Такого размаха подобные технологии еще никогда и нигде до сих пор не достигали.

Помимо значительной экономии времени отсюда вытекали и некоторые не столь приятные побочные эффекты. Теперь всюду проникал еще и «аромат» озона, «настоянный» на

выжженных краске, сурике и ржавчине вперемешку с горелым металлом. Сначала такое амбре вызывало изрядную тревогу. Но скоро убедились, что вреда это не несет, а его источник делу помогает, причем весьма заметно.

Заметно не только в плане ускорения работ, но и чисто внешними проявлениями. Особенно эффектно все выглядело в темноте, когда яркие всполохи рукотворных молний, плавивших металл, озаряли небо, воду и все, что было вокруг. Голубоватое зарево, беспрестанно мерцавшее над Золотым Рогом, мастерскими в бухте Уллис и бухтой Новик, видели издалека.

Во всех храмах священники каждый день твердили своей пастве, что это не бесовские огни, не адово пламя, рвущееся наружу, а сила молнии и грома небесного, божьим промыслом поставленная в помощь нашим ратникам для одоления вероломного супостата на суше и на море. Но помогало слабо. Набожные старушки, наблюдая страшное сияние, беспрестанно крестились и бормотали молитвы. Хотя, конечно, привыкали потихоньку.

Несмотря на увеличившийся за последние полгода в несколько раз штат рабочих механического завода и всех частных предприятий, обслуживающих флот, квалифицированных специалистов все еще остро не хватало. Были наняты все немецкие мастера, уже закончившие устанавливать свое оборудование в цехах, но и это не сняло полностью кадровый дефицит. Радовало, что хотя бы нужные материалы теперь имелись в необходимых количествах.

Несмотря на все оптимизации, рационализации и прочие ухищрения, даже с таким весомым кадровым подспорьем начальник порта контр-адмирал Грече вынужден был раз за разом докладывать на внеочередных совещаниях, что не успевают. К его удивлению, это принималось довольно легко. Из-за накопившейся усталости и хронического недосыпания он даже не пытался такое анализировать. Не намылили холку, и ладно. И сразу переключался на свое, насущное по должности, будь она неладна!

«Камчатка», вернувшаяся с Цусимы, вынужденно выпадала из общей работы, поскольку сама нуждалась в ремонте. Простреленный нашим же снарядом еще при штурме Цусимы котел совершенно вышел из строя. Почти все главные и вспомогательные механизмы также были изношены до критических пределов. В связи с этим ее, как и кое-что ранее, вывели в резерв. Специалисты фирмы «Сименс» сняли станцию беспроводного телеграфа и готовили к установке на один из транспортов.

Сейчас плавмастерская стояла в бухте Золотой Рог, задвинутая в дальний угол, с погашенными котлами и холодными машинами в ожидании своей очереди на завод. А ведь при составлении планов на нее рассчитывали совсем с другой стороны. Всех ее мастеровых перевели на берег или загрузили работой на эскадре, но образовавшегося «провала» такие меры все равно не выправили.

Снова всемерно помогали железнодорожники Никольск-Уссурийска, едва закончившие выполнение срочных заказов армии. Вся скудная промышленность Хабаровска, полностью переведенная на военные рельсы, также круглосуточно работала в интересах Тихоокеанского флота.

Но все равно – зашивались. Был и брак, который приходилось переделывать, со склоками и скандалами, когда дело доходило до того, кто за это заплатит. По этой причине росло недовольство властей на местах. Кое-кому из генерал-губернаторов казалось, что с войной покончено, а потому пора снимать удавку осадного положения и выходить из прямого подчинения наместнику. Добавил поводов для административного недовольства и еще один момент.

С целью дальнейшего усиления обороны Цусимы уже 2 октября туда отправили очередной конвой, состоявший сразу из семи судов. Пароходы «Ангара», «Борго», «Гапсаль», «Малазиен», «Галатея», «Олаф» и «Фальке» под охраной броненосцев береговой обороны и трех эсминцев благополучно достигли пункта назначения, доставив части 31-го и 32-го Восточно-Сибирских полков для усиления гарнизона, а также продовольствие, топливо, боеприпасы и машинные материалы, необходимые для функционирования мастерских Такесики.

Кроме того, на нем отбыли сразу десять переводчиков с японского языка. Целый отдел штабной канцелярии, специально сформированный для нужд цусимского гарнизона. Такое расточительство чрезвычайно ценных кадров было осознанной и остро необходимой мерой противодействия японскому шпионажу. Особым циркуляром наместника императора на Дальнем Востоке штабу островного гарнизона строжайше предписывалось отныне полностью исключить доступ местных к любой внутренней документации. Подобные категоричные предписания разослали и по другим штабам, вместе с делегациями «толмачей» для решения проблем, напрямую связанных с их исполнением.

Но этому предшествовало немало споров. Простых штабных предписаний отказаться от услуг местных и сформулировать заявки на минимально необходимый штат подобных сотрудников оказалось недостаточно. Михаила, самого рьяного сторонника немедленной коренной реорганизации правил соблюдения секретности при обработке документации, мягко упрекали в неопытности. Даже если в глаза и соглашались с ним, как-либо реализовывать его нововведения не спешили.

Продавить такое решение через все инстанции даже титулом великого князя, регента при наследнике и наместника императора на всем Дальнем Востоке оказалось не просто. На местах считали уже работающих сотрудников (по бумагам корейцев или китайцев) достаточно надежными и проверенными временем.

Изобличение многих из них как лазутчиков, имевшее место после резкого усиления сыскающей деятельности специального корпуса жандармов, ситуации не изменило. Серия газетных статей, перепечатанных из столичных газет о скандале, связанном с арестом преподавателя японского языка при Санкт-Санкт-Петербургском университете Ёсибумо Курано³ за саботаж и сотрудничество с японской разведкой, тоже. Даже после огласки на внеочередном заседании дальневосточного Военного совета последних, откровенно шокирующих данных о вскрытии разведывательных и диверсионных сетей на крупных узловых станциях и во всех приморских крепостях, нашлись те, кто усомнился.

Вслух, конечно, не высказались. Но по углам перешептывались. Виданное ли дело, чтоб священнослужители – и на содержании у японских шпионов! Да быть такого не может! Да чтобы «духовная миссия», да на деньги Священного синода и шпионские книжки печатала!⁴ Это уж вы хватили, любезный!

Но чаще всего объяснялось это неверие простым нежеланием менять уже сложившуюся практику. Генералы, почуяв, что власть сменилась, расслабились. А что? Пока еще Михаил в курс дела войдет... Японца уже, считай, добили. Можно и выдохнуть в ожидании заслуженных почестей. Стоит ли суетиться?

Однако новый наместник императора, несмотря на молодость, был настойчив, а местами даже суров. Хоть до повышенных тонов на грани грубости, как при Рождественском, и не доходило, но по вниманию к мелочам и требовательности в исполнении собственных распоряже-

³ В реальной истории преподаватель японского языка при Санкт-Петербургском университете Курано Ёсибумо (у японцев сначала фамилия, потом имя) по заказу наших военных составил непригодный к употреблению разговорник для армии. За 18 лет работы в университете не подготовил ни одного япониста. Несмотря на это, даже после начала боевых действий ему поступали заказы на переводы важных документов с японского и на японский. Но он их также саботировал под предлогом большой занятости работой для нашей армии. Не имея никаких претензий на свой счет от русских властей, продолжал работать в столице всю войну и после ее окончания.

⁴ В 1903 году в Японии насчитывалось 240 православных общин, насчитывавших 25 231 человека верующих при 35 духовных лицах. Из них только 3 русских. На содержание японской «духовной миссии» царское правительство расходовало 60 000 рублей в год (34 000 – Священный синод и 26 000 – Миссионерское общество). На эти деньги печатали периодику для обращения японцев в христианство. Но среди прочей литературы в 1903 году вышел «русский духовный словарь». В нем содержались весьма оригинальные вопросы: «В каком составе русские войска? Куда ушли русские войска? Сколько у русских кавалерии?» Также о прожекторах, пушках, минах, пироксилине и прочем. А вершиной «христианских выражений» в нем стало: «Не упирайся, иначе убью!» И эта книжница была не единственной, вышедшей в свет перед самой войной под эгидой японских православных общин за русские деньги!

ний, отданных даже мимоходом, он приближался к предшественнику. К тому же и на расправу тоже скор. После пары арестов за саботаж, выразившийся, согласно официальным формулировкам обвинения, «в умышленном нарушении сроков введения новых правил штабного делопроизводства», дело сдвинулось.

Перетасовка «обслуживающего» штабного звена оказалась далеко не единственной дико-виной, спешно вводимой в оборот. Отправка конвоя на юг по времени совпала с публикацией в прессе указа о формировании из батальонов, участвовавших в самой первой высадке в проливе Цугару сводного Цугарского полка. В этой связи, при скрытом попустительстве штабов, в газеты просочилась информация, что в скором времени предполагается приступить к формированию и Фузанского полка. Недолго японцам там сидеть осталось.

Подобные слухи, шедшие с самого верха, стали одной из частей совершенно новой, информационной составляющей этой войны, которую предполагалось развернуть в полную силу. Кроме военной части предстоящей операции, разработка которой продолжалась с прежним усердием, с самого начала продумывалась ее пропагандистская и даже политическая часть в долгоиграющей перспективе.

В рамках этих планов нашему военному представителю в Шанхае полковнику Дессино, совместно с купцом Гинсбургом, еще в середине сентября поставили задачу: «организовать вербовку нескольких, не обязательно широко известных, но достаточно бойких на слово английских, немецких, французских, итальянских и американских журналистов для тайной поездки в Токийский залив в разгар его штурма». Цель и конечный пункт назначения, естественно, не разглашались. Зато гарантировалась сенсация небывалой величины, о которой станет известно миру именно и исключительно благодаря им.

Первым, посвященным в эту великую тайну, оказался немец из шанхайской газеты «Чифу Дейли Ньюз» Адольф Банер, с которым Дессино уже имел дело еще зимой. Тогда этого репортера нанимали для прикрытия разведочной деятельности буксира «Индустри», и его действиями в непростой ситуации, за всем этим последовавшей, остались довольны.

Немногословный, в отличие от большинства представителей его профессии, и всегда серьезный, он производил впечатление человека, на которого можно положиться в серьезном деле. Поняв, о чем идет речь, он сразу заявил, что широкая огласка будет неуместна. Появится огромное число желающих, причем каждый начнет свою рекламную кампанию с целью получить максимальные авансы от издательств. А излишняя шумиха в таком деле ни к чему. Так что остальных собратьев по цеху он подбирал уже сам. Результат получился неожиданным и спорным. Настоящим «бриллиантом» в собранной им «коллекции» оказался Редьярд Киплинг.

Причем англичанин сам пришел в редакцию газеты и заявил, что намерен участвовать в предстоящей экспедиции. Каким образом он узнал о вербовке и что имел в виду под «экспедицией», так и осталось загадкой. Сам он в ответ на прямой вопрос полковника Дессино лишь с хитровой ухмылкой на лице напомнил, что в молодости был неплохим репортером.

С этой кандидатурой сразу возникли определенные трудности, поскольку фигурой он был известной. Водил дружбу с Сесилом Родсом, являвшимся символом британского колониального империализма, выступал в поддержку Англии в Англо-бурской войне, в то время как Россия сочувствовала бурам. И сейчас вряд ли сменил свои приоритеты⁵. К тому же эта подо-

⁵ Еще в 1896 году после выхода в свет книги «Отважные мореплаватели» Киплинг стал самым высокооплачиваемым писателем в мире. Ему тогда было 32 года. К России он относился, мягко говоря, без симпатии. Одним из его известных высказываний о русских стало: «Поймите меня правильно: всякий русский – милейший человек, пока не напьётся. Как азиат он очарователен. И лишь когда настаивает, чтобы к русским относились не как к самому западному из восточных народов, а, напротив, как к самому восточному из западных, превращается в этническое недоразумение, с которым, право, нелегко иметь дело. Он сам никогда не знает, какая сторона его природы возобладает в следующий миг». Так начинается его рассказ «Бывший». Рассказ вроде бы о казачьем офицере, попавшем служить в гусарский полк ее величества в Индии. Но в ходе повествования, где этот казак непременно упивается до изумления много раз, хамит, но его прощают по причине врожденного благородства джентльменов, появляется другой персонаж – английский офицер. Тот еще до Крымской войны обидел

зрительная осведомленность?! Решения такого уровня с политическим духом могли принимать только в штабе заместителя.

Гинсбург и Дессино, после недолгих размышлений, отбили кодированную телеграмму соответствующего содержания во Владивосток и были уверены, что спихнули проблему. Но высокое начальство молчало, а сроки поджимали. После еще двух безответных запросов на свой страх и риск им все же пришлось давать ему допуск под свою ответственность. И немедленно после этого свернуть всю кампанию, ставшую излишне популярной.

К тому времени удалось привлечь, кроме уже названных персон, еще одного француза. Причем вовсе не журналиста, а совсем еще молодого начинающего публициста. Банер рекомендовал его как мастера ироничного романтического рассказа. Насчет романтичности сомневаться не приходилось. Этот двадцатилетний юноша примчался в Шанхай вообще без денег, бросив работу на фабрике отца, под впечатлением от газетных публикаций о войне, в частности о партизанах Сахалина. Что же касается мастерства, тут судить сложнее. Но тот факт, что всего за неделю в Шанхае он успел уже отметиться в «Чифу Дейли Ньюз» парой статей под псевдонимом Андре Моруа⁶, спровоцировавших заключение двухмесячного контракта с отдельным постоянным окладом, внушал оптимизм.

Когда дело дошло до подписания договора, выяснилось, что этот Андре из выкrestов немецко-еврейского происхождения. Его семья переехала в Нормандию после франко-прусской войны и приняла католицизм. И его настоящее имя – Эмиль Соломон Вильгельм Эрзог.

Сам Дессино идеи антисемитизма не разделял, в первую очередь исходя из интересов дела. Но как наверху рассудят? Он вспоминал потом: «Тогда, помнится, сразу появились сомнения, что вербовка идет как-то не так. Ни у меня, ни у Банера, даже у Гинсбурга опыта в подобных делах не было. И как такое будет воспринято в штабе, мы не знали. Но после Киплинга подобные нюансы казались уже сущей ерундой». А Эмиль-Андре не подвел!

В итоге компания подобралась хоть и тесная, но зато колоритная. В таком составе их и вывезли из Шанхая на норвежском пароходе «Анфрид», загруженном провизией. Переход Японским морем с вливанием в караван возвращавшихся с Цусимы судов и броненосцев их эскорта оказался скучным. Зато во Владивостоке ждал сюрприз. Там к ним присоединился еще один неожиданный участник «проекта». Это был американский военный корреспондент Джек Лондон⁷.

Его привлекли события, связанные с антибраконьерскими экспедициями у камчатских берегов и Командор. Об этих рейдах ходили самые невероятные слухи на всем западном побережье, особенно в Датч-Харборе и Сан-Франциско, где уже много лет был хорошо отлажен рынок сбыта богатой добычи, вывозимой из русских земель и вод.

словом русского полковника, отказался извиниться за свои слова и за это попал в Сибирь. Только спустя тридцать лет, сбежав с каторги, весь изможденный, он смог добраться до своего полка (в Индии!) и умер через три дня. Многие говорящим эпиграфом этого рассказа стали вот эти строки: Отверзлась земля. Из могилы сырой Явился к нам гость на пир. Присел отдохнуть и продолжил свой путь. Но в душах нарушил мир. К отмщенью взывает кровь, Сполна грядёт расплата, Как час пробьёт, Бог предьявит счёт За нашего мёртвого брата. Суть в том, что русские обязательно должны заплатить сполна. Это как бы озвученное писателем мнение народа.

⁶ *Андре Моруа* – известный французский писатель. Будучи романтической натурой, в 1911 году, когда ему было 26 лет, оставил фамильную фабрику отца, чтобы жить самостоятельно с любимой женщиной. Участник Первой мировой войны. В нашем случае просто романтизм разыграл раньше.

⁷ В реальной истории Джек Лондон, будучи по природе авантюристом, с юности ввязывался в опасные предприятия. В 15 лет – владелец шхуны (купленной на заемные деньги) и устричный браконьер. Много ходил под парусами. В 1893 году в 17 лет нанимался на шхуну, промышленящую морских котиков у берегов Японии (по факту браконьерил у берегов Приморья). Получается, что в наших водах уже хаживал и морское дело знал хорошо. Во время Русско-японской войны был еще малоизвестным писателем. Работал военным корреспондентом на газетный концерн Херста. Высаживался с японцами в Корею. По пути туда был арестован по подозрению в шпионаже. Из-за этого не успел в Чемульпо. Но, не сдавшись, догнал на корейских «попутках», обморозив лицо и руки, что говорит о целеустремленности и решительности. Продвигался с армией генерала Куроки к реке Яллу, сделав сотни фотоснимков. Сочувствовал русским. Вернувшись с войны, написал статью о «Желтой угрозе». Большие гонорары за свои книги начал получать с 1908–1909 годов.

Редакция «Сан-Франциско Кроникл» обещала солидные гонорары за репортажи с котиковых промыслов Охотского и Берингова морей, откуда вернулось уже несколько разгромленных браконьерских флотилий. Но желающих так сильно рисковать в благополучном Сан-Франциско не было.

Находясь гораздо ближе к месту событий, Джек знал больше и сразу смекнул, как можно на этом заработать. Имея в прошлом немалую парусную практику, он решил завербоваться простым матросом на одну из наших дозорных шхун. Туда как раз добирали экипажи, вербуя почти всех подряд.

С попутным транспортом также проблем не было. Имелся даже некоторый выбор. Конечным пунктом сложного маршрута американского углевоза «Барракуда», доставившего его в Россию, был Николаевск-на-Амуре. Но перед этим пароход зашел в залив Америка, где и сошел пассажир. Оттуда уже на попутных парусниках, кстати говоря, частью трофейных, в том числе и браконьерских американских, таскавших теперь сучанский уголек, он и добрался до крепости. При этом попутно посвятил пару дней сбору материала для своего первого репортажа, изучая быт и условия труда на копиях и только еще осваиваемой сучанской узкоколейке. Общался преимущественно со своими соотечественниками, некоторым передавая телеграммы из дома.

Странного в этом ничего не было. О том, что в тех местах перевоспитывались и браконьеры-иностранцы, известно было далеко за пределами залива Петра Великого. Только благодаря такому резкому расширению штата «специалистов широкого профиля» стало возможно увеличение добычи при одновременном параллельном восстановлении поселка, пострадавшего от бунта.

Но своим появлением в обход таможни Владивостока, а особенно задаваемыми специфическими вопросами беспокоивший Джек быстро заинтересовал жандармов, все еще пребывавших во взвинченном состоянии после недавних кровавых событий. Те, опросив нескольких его собеседников, а также неожиданно быстро наведя справки «по месту прописки», оказались не на шутку встревожены новостью, что гость, имевший паспортные данные на имя Джон Гриффит Чейни, входит в Социалистическую партию Америки. Причем не на бумаге, а по факту. При этом и «состоял», и «привлекался», и даже неоднократно. Приказ на арест, пока домашний, в пределах гостиничного номера, последовал незамедлительно, и только потом начали вдумчиво разбираться.

Пока в жандармском управлении гадали, куда его девать, засылая запросы в штабы всех уровней, пришла докладная от Дессино с сожалением о явном недоборе в формируемой им команде в связи с вынужденным досрочным прекращением тайной «мобилизации». Учитывая гражданство и быстро набираемую популярность поднадзорного на его родине, в штабе наместника решили помочь шанхайским «товарищам», заодно спихнув лишнюю головную боль в виде потенциального подрывного элемента куда подальше. Тем более что сам клиент оказался вовсе даже не против.

Заполучить в свое распоряжение *таких* «рекрутов» только что специально сформированный пресс-отдел при наместнике даже не рассчитывал. Пришлось на ходу перекраивать всю предполагаемую методику освещения предстоящих событий. Да и в бытовом плане появились определенные сложности. Все же обеспечение приемлемых условий для простого командированного журналиста и уже известного писателя далеко не одно и то же.

Зато, воспользовавшись обозначившимися достаточно громкими именами, которых, учитывая уже сложившуюся репутацию и связи, в дальнейшем будет трудно упрекнуть в предвзятости, начали прорабатывать вариант привлечения и других известных иностранных публицистов в качестве независимых наблюдателей на предстоящих прямых переговорах о мире с японским императором. Но этот вопрос требовал еще многих согласований на самом верху, так что огласке пока не предавался.

Главной целью было, исходя из уже имевшегося опыта с оперативным освещением результатов кратковременного пребывания японских войск на Южном Сахалине, обеспечить, таким образом, максимальную публичность. Учитывая эффект, произведенный всего лишь несколькими газетными статьями, и – самое главное – ответную реакцию, предполагалось в ближайшей перспективе оказать такими фамилиями должное сдерживающее влияние на «жаждущих крови» политиков некоторых развитых стран. Причем список этих фамилий решили даже расширить, подобрав еще несколько кандидатов и отправив соответствующие телеграммы Дессино и Гинсбургу.

Одновременно так же планировалось использовать и некоторых репортеров, окопавшихся во Владивостоке. Часть из них уже сотрудничала ранее со штабом Тихоокеанского флота. Проявившие наибольшую беспристрастность в своих статьях должны были отправиться в этот поход вместе с эскадрой. Отбором претендентов уже занимался пресс-отдел штаба.

А для полковника Дессино имелось и еще одно особое параллельное жутко секретное и деликатное поручение. Поскольку даже в случае отказа Великобритании от открытого выступления в защиту Японии все еще оставался довольно значительный риск продолжения грубых провокаций, подобных той, что уже имела место у Цусимы, была разработана и реализована операция по дезинформации.

Зная о повышенном внимании к его персоне со стороны англичан и американцев с самого начала работы в Шанхае, ему, еще когда броненосцы стояли на Цусиме, отправили, якобы для срочной пересылки в Петербург, письмо-отчет о примененных в последнем эскадренном сражении новых бронестойких снарядах с повышенной проникаемостью.

В нем говорилось, что двенадцатидюймовые снаряды, доставленные железной дорогой в последней партии, благодаря корпусу из стали особой выделки, специальному наконечнику и особому устройству головной и хвостовой части гораздо стабильнее придерживаются траектории в полете, медленнее теряют скорость и поэтому легко пробивают даже толстые броневые плиты на значительных расстояниях. А из-за нового состава заложённой в них взрывчатки обладают большим за-броневым воздействием. Аналогичные боеприпасы для шестидюймовок на средних дистанциях боя уверенно пробивают броню, по толщине сопоставимую со своим калибром, и не склонны к рикошетированию или раскалыванию от удара.

Именно применение таких снарядов, от которых не спасает никакая, известная на данный момент, броня, и вызвало быструю потерю боеспособности, а затем и гибель японских броненосных крейсеров. Аналогичные по баллистике фугасы вызвали большие внутренние разрушения на бронепалубных крейсерах, не имеющих бортовой брони. Кроме того, такая форма снижает сопротивление воды, что позволяет им подныривать под бронепояс тяжелых кораблей и поражать незащищенную подводную часть борта на значительном углублении от поверхности. В таких случаях повреждения получались особенно тяжелыми.

Это письмо, согласно инструкциям штаба заместника, должно было «случайно» попасть на глаза заинтересованным лицам, после чего подлежало отправке нарочным в Петербург вместе с прилагаемыми пояснениями. Таким образом планировалось побудить потенциальных новых противников к максимальной осторожности в случае встречи даже с одиночным русским кораблем.

* * *

Результат организованной «утечки» совершенно секретной информации превзошел все ожидания. Правда, известно обо всем этом стало уже спустя много лет после окончания войны.

Первыми до нее добрались американцы. Их ответной реакцией стала официальная рекомендация морского секретаря САСШ на имя президента Рузвельта «О крайней нежелательности вступления в войну с Россией на данном этапе, ввиду явного подавляющего превосходства

русской артиллерии на море». Подобная бумага отправилась и в конгресс уже в начале октября. Более того, в это же время из Вашингтона в английское адмиралтейство ушло предупреждение о появлении у русских новых мощных снарядов, чрезвычайно опасных для тяжело бронированных кораблей даже на больших дистанциях боя.

Это было уже второе сообщение, полученное британским адмиралтейством, о возможном применении русскими нового вида боеприпасов и неизвестных ранее способов стрельбы. За несколько дней до него из Японии пришел обширный аналитический отчет о третьем бое у острова Цусима, весьма встревоживший директора управления военно-морской разведки Чарльза Отли.

Его авторами являлись авторитетные офицеры Королевского флота, числившиеся в качестве наблюдателей британского адмиралтейства при японском морском министре. После проведенного ими опроса подобранных остатков экипажа «Адзумы» и команды «Токивы», единственного крейсера, пережившего тот бой, они пришли к выводу, что первые, пусть не решающие, но весьма тяжелые повреждения, безусловно повлиявшие на дальнейший ход сражения, японские корабли получили в самой завязке. Причем на дальностях, ранее считавшихся немыслимыми для ведения прицельного огня по маневрирующим целям. Ни высокая скорость хода, ни перемена курса не избавили от быстрых накрытий.

В отчете указывалось, что «Адзума» получил свой первый снаряд в самом начале перестрелки. Это попадание вызвало серьезные повреждения броневых пояса и обширные затопления в средней части корпуса, где стояла самая толстая броня. При этом башенные наводчики самого крейсера еще практически не видели свою цель, большей частью находившуюся для них за линией горизонта.

Несколько лучше защищенный крейсер «Якумо», также получивший аналогичное попадание в одном из первых залпов противника, имел сразу после этого заметный крен, что также говорит о вызванных им значительных подводных повреждениях. Но из-за гибели корабля и последовавшего сразу за этим пленения всех, кто выжил, точно установить характер этих повреждений сейчас невозможно.

Обследование спасшейся «Токивы» не дает ясной картины из-за больших разрушений, вызванных детонацией собственных боеприпасов, традиционно частично складированных в казематах. Но, учитывая дальность ведения боя в тот момент, ему, несомненно, предшествовали пробитие не тонкой крыши, а именно бортовой шестидюймовой брони каземата и последовавший за этим мощный взрыв внутри защищенного помещения.

Эти новости сильно встревожили первого лорда адмиралтейства графа Кавдора, выступившего резко против уже начавшего реализовываться последнего предложения первого морского лорда вице-адмирала Фишера. Тот, учитывая первые итоги противостояния русского и японского флотов у берегов Цусимы, набравшего обороты с конца весны, развернул вектор приложения своих усилий на 180 градусов. С присущей ему энергией, вместо начатого по его инициативе сосредоточения всей броненосной силы в водах метрополии, он уже требовал немедленной отправки мощных эскадр непосредственно к японским берегам.

Кавдор назвал запланированный им перевод половины Средиземноморской эскадры в Тихий океан прямым путем к катастрофе. Воинственный «Джеки» в долгу не остался. В итоге возникший спор пришлось разрешать Эдуарду VII лично.

Сам король, несмотря на хроническую антипатию к России, разделял обеспокоенность своего морского министра. Да и поднявшуюся газетную шумиху вокруг Сахалина, резко убавившую симпатий к Японии в обществе, столь демонстративно проигнорировать было уже невозможно.

В итоге последовал всего лишь приказ о слиянии Восточно-Индийской, Китайской и Австралийской станций в Восточный флот с командованием в Сингапуре и передовыми базами в Гонконге и Шанхае. В Лондоне состоялось экстренное заседание Комитета имперской обо-

роны (CID), по итогам которого срочно провели ряд секретных консультаций с людьми, сведущими в области артиллерии, взрывчатых веществ, а также в металлах и сплавах.

Ничего определенного они не дали, по причине скудности исходных данных. Но ведущие специалисты в области металловедения и взрывчатки подтвердили, что такое, в принципе, возможно, если не брать в расчет конечную стоимость изготавливаемых боеприпасов, получающихся безумно дорогим штучным товаром. Это стало достаточным основанием, чтобы застопорить уже почти начатое продвижение броненосцев из Средиземного моря на Дальний Восток вместо запланированного перехода в воды метрополии. А на театр боевых действий для детального разбирательства на месте срочно отправился кептен Джалико.

Занимаемая им должность директора департамента морской артиллерии и торпед при адмиралтействе просто обязывала к этому. А приданные ему офицеры из 1-го отдела военно-морской разведки, отвечавшего за ВМС иностранных государств, должны были оказать содействие по своим каналам.

Для максимального ускорения следствия отправился он на крейсере «Абукир», назначенном флагманом в отряд из четырех таких кораблей. Все они – «Абукир», «Хог», «Эдгар» и «Тезус», – вместе с пятью приданными судами обеспечения, перешли под командование Джона Рашуорта Джалико и являлись отдельным автономным отрядом, не подчинявшимся командующим на местах и действующим исключительно по согласованию с адмиралтейством. В пути следования к ним должны были присоединиться шесть шлюпов и полтора десятка миноносцев из состава Средиземноморского, Восточного флота, а также с Гибралтарской станции и от мыса Доброй Надежды.

Одновременно командующий только что созданным Восточным флотом Великобритании адмирал Джерард Ноэл⁸ получил строжайшие инструкции из Форин-офиса, подписанные самим премьер-министром. Их суть сводилась к рекомендации «стараться не ввязываться в артиллерийский бой с русскими кораблями до особого распоряжения».

Джек Фишер, узнав об этой «импотентской» инструкции, вполне ожидаемо пришел в ярость. Но это уже относилось к большой политике, куда его пока не пускали. Джентльмены всегда дорожили честью своего флага, а в данном случае было слишком много неопределенностей.

Столь серьезные перипетии правительственного уровня остались не известны никому во Владивостоке, да и в Петербурге тоже, ни тогда, ни после. Иначе витавшее в верхах мнение, что в случае резкого обострения отношений с Англией все, что уже создано на берегах Тихого океана, удержать не удастся, не получило бы стольких сторонников. Хотя... Кто знает, какими мотивами они руководствовались?

* * *

Другой «диковиной забавой» великого князя Михаила на столь высоком посту стал срочный запрос, отправленный нашим торговым представителям, консулам и коммерческим партнерам в Сан-Франциско и Датч-Харборе. Получив его, серьезные люди за океаном не могли взять в толк, зачем ему понадобилось тратиться на телеграфные и почтовые расходы, чтобы как можно быстрее и конфиденциальнее получить списки судов, регулярно совершающих рейсы от побережья САСШ в западном направлении. Причем совсем не обязательно в Японию. Запра-

⁸ Адмирал Джерард Ноэл, по отзывам современников, отличался удивительным техническим невежеством. Являлся одним из самых рьяных сторонников размещения больших минных катеров на боевых кораблях. В современной тактике морского боя не понимал абсолютно ничего. Но в то же время обладал решительным, воинственным характером. Наиболее известен его тезис, что даже во время войны боевой корабль не стоит разгружать от лишнего веса, не влияющего на боеспособность и обеспечивающего всего лишь комфорт проживания. Обосновывал он это крайне малой вероятностью участия каждого корабля в боевых действиях. А даже и попади он в бой, это ненадолго, в то время как жить на нем постоянно.

шивались также их принадлежность и характеристики: тоннаж, вместимость, скорость хода, численность экипажа и прочее. Среди множества этих пунктов совершенно терялся один, малозаметный, но, пожалуй, самый важный – наличие беспроводного телеграфа.

Но это был только первый, самый заметный этап плана, задуманного Михаилом совместно с немецким полномочным посланником во Владивостоке Паулем фон Гинце. К реализации второго, самого важного, масштабного и невероятно секретного, привлекались уже специально нанятые надежные люди.

Часть из них среди прочих попутных пассажиров доставил на американский берег бывший эскадренный госпиталь «Орел» в одном из своих рейсов. Прочие уже были на местах, давно получая дополнительное жалование из немецкой казны. Одновременно особые тайные инструкции Адмирал-штаба получили германские рейсовые пароходы, ходившие из Европы через Тихий океан в порты Южной Америки.

Третьим этапом занимались исключительно доверенные финансисты в Берлине и Петербурге. Их круг был достаточно узок, а имена не особо известны, однако репутации безупречны. Они заранее получали почти неограниченные краткосрочные кредиты и особо секретную информацию о тайных планах, а потому имели возможность просчитать, когда и чьи акции нужно будет скупать или продавать через подставные фирмы.

* * *

А на самом восточном краю русских земель все так же занимались своими делами, не особо оглядываясь по сторонам. И дел тех было!.. Главным силам флота теперь требовался внеочередной ремонт в заводе, а значит, сроки начала решающей операции могли вновь отодвинуться бог знает на сколько.

Хоть за время стояния в Озаки на наименее пострадавших «Орле» и «Бородино» все, что было возможно выполнить силами порта Такесики, «Камчатки» и самих экипажей броненосцев, сделали, уложившись до встречи конвоев и обратного перехода, еще находилось куда приложить руки.

В базе, заметно развившейся с приходом беспокойного флота, это было не в пример удобнее и легче. К тому же вполне приличный и уже поднаторевший в этом штат подчиненных контр-адмирала Грече еще и знал, как нужно сделать быстро и хорошо. Исключительно благодаря этому уже сейчас они оба могли бы выйти в море сразу после пополнения запасов.

Однако план экстренного введения в строй еще и «Александра III», все же продавленный упертым Иессеном, оставил в составе действующей эскадры только один боеспособный новейший броненосец. А обоих его собратьев переводил в разряд ремонтируемых-догоняющих.

Этот план, предусматривавший попутную замену половины расстрелянных двенадцатидюймовок на «Бородино» «обездомевшими» пушками с «Александра», уже вынутыми из его наглухо «контуженной» носовой башни, продвигался довольно быстро. Тем не менее выходил за границы приемлемого по срокам, хотя работы не прекращались даже ночью.

Для гвардейского броненосца, обосновавшегося в новом доке, как для самого «заезженного», дата намеченного ввода в строй вообще неминуемо отодвигалась на четыре, а скорее всего, на все шесть недель. Пришлось привлекать и иностранных специалистов, тоже загружая их сверх меры, но принципиально это ситуацию не изменило.

Педантичные немцы, глядя на сосновые брусья, подгоняемые по месту топором поверх кое-как залатанной вмятины оголившейся обшивки, ворчали, обзывая это все эрзац-ремонт. Заменять перекошенные и ослабшие броневые плиты деревом вместо восстановления набора и правки поврежденных листов казалось им немыслимым. Однако дело они делали, даже внося рациональные предложения, повышающие общую прочность собираемой конструкции. Одно-

временно нещадно гоняли мальчишек-подсобников, постоянно убиравших щепу и прочий пожароопасный строительный мусор, порою обильно осыпаемый искрами сварки.

Ситуация с «Бородино» выглядела несколько более обнадеживающе, хоть по внешнему виду сказать подобного никто и не мог. Мастера завода «Дюфлон и Константинович» спешно монтировали новую проводку во всех башнях, попутно дорабатывая системы Гейслера. Им помогали инженеры «Сименса», после очередной отладки вверенных им в попечение станций беспроводного телеграфа остававшиеся временно безработными. Очень пригодился их богатый задел по всевозможным электротехническим изделиям.

В итоге, основываясь на хотелках и, самое главное, конкретных проработанных предложениях артиллерийских офицеров броненосцев, обобщенных Цывинским, вся заумная путаница проводов, контактов, реле, предохранителей и переключателей приобретала совершенно иной, более лаконичный вид, весьма далекий от исходного.

Но очередные доработки тщательно скрывали от посторонних, так что заметно это было лишь на баке, где после снятия броневой крыши и оружейных стволов главного калибра осталась только сама «кастрюля» из толстых плит со станками на поворотном столе. Сменные пушки уже доставили из мастерских, сгрузив на стенку под бортом, и готовили к установке.

Завершения этих работ, как и планировалось, флот дожидаться не стал. И так все разумные пределы отсрочек выбрали с запасом. Дальнейшая задержка могла предоставить японцам возможность беспрепятственного подхода их последних «оптовых» покупок из Латинской Америки. К тому же так вполне можно было дожидаться начала сезона штормов в Тихом океане, а затем и неизбежного замерзания гавани Владивостокского порта.

Вдобавок пришли очень тревожные вести из Англии. Стало известно, что король Эдуард VII неожиданно одобрил решение адмиралтейства о создании Восточного флота, что предусматривалось только на случай войны. Похоже, тревога Министерства иностранных дел имела под собой основания.

Однако в штабе наместника вероятность вступления «альбионцев» в войну на стороне Японии признавалась крайне невысокой. Откровенно пророссийская позиция Германии являлась существенным сдерживающим фактором. Последние рапорты разведки это подтверждали.

По донесениям нашего военного атташе в Лондоне, в броненосных эскадрах Владычицы морей никаких подвижек не последовало. Только в соответствии с тут же отданным по такому случаю приказом Джеки Фишера на Дальний Восток срочно отправлены еще восемь броненосных крейсеров и два десятка самых новых мореходных миноносцев, схожих по типу с последними русскими минными крейсерами. Предполагается также передать адмиралу Ноэлу часть кораблей с Гибралтара и мыса Доброй Надежды.

Пусть броненосные, но все же крейсера. То есть «главный довод короля» они не использовали, ограничившись демонстрацией своей мощи и готовности ее быстро нарастить в любом уголке земного шара. Да и черт с ними! Пускай побряцают оружием, раз так хочется. Это мы можем и не заметить.

Но уточненные немцами сведения оказались менее оптимистичными. Они хоть и сократили число отправленных кораблей вдвое, добавили такую ма-а-аленькую деталь. Начатое Фишером сосредоточение сил флота в водах метрополии временно приостановлено. По этой причине в Средиземном море пока остается мощная эскадра, затеявшая учения у египетских берегов. То есть в случае необходимости она способна быстро усилить Восточный флот, и без того обладающий заметным превосходством.

Из прочих больше всего беспокоила непроверенная пока информация, также полученная из Адмираль-штаба, о том, что ведутся переговоры по срочной передаче нескольких крейсеров и десятка истребителей сынам Ямато прямо здесь, на Дальнем Востоке. А тут еще и сами

японцы довольно эффектно показали зубы в Цугару, снова доказав, что недобитый враг все еще опасен. Требовалось срочно доводить дело до конца, пока не поздно.

Глава 3

Главная задача отряда Небогатова в самом преддверии решающего и, как все надеялись, финального штурма этой войны оставалась неизменной: «Всемерное обеспечение максимально возможной безопасности плавания проливом Цугару и оказание давления на противника к югу от него». Как виделось штабам во Владивостоке, это должно было сковать часть японских патрульных сил Тихого океана. А кроме того, приучить высшее командование в Токио к нашей активности в северных водах.

Но после короткого и не совсем удачного рейда вдоль Тихоокеанского побережья Японии, состоявшегося в конце сентября, контр-адмирал Небогатов вынужденно прекратил крупные вылазки более чем на неделю. Все, что на тот момент оставалось у него под рукой, пришлось посменно ставить на ремонт и профилактическое обслуживание.

Сил, единовременно находившихся в боевой готовности, хватало только на поддержание деятельности довольно скромной дозорной сети, едва покрывавшей ближние подступы к Хакотдате. Все остальное контролировалось по ночам только с берега, а днем – реквизируемыми у рыбаков небольшими парусными судами да «Уралом». Причем контроль сводился к коротким переходам между опорными пунктами на берегу для адресной выгрузки содержимого трюмов.

К вечеру 30 сентября прибыл «Алеут», доставивший штабную почту. Согласно распоряжению штаба флота, его предписывалось передать в распоряжение гарнизона Курильских островов. Этот переход по месту назначения решили совместить с осмотром мест возможных районов разгрузки японских судов-снабженцев на восточном Хоккайдо и базирования разведчиков.

После разбора захваченной в Хакотдате и Муроране японской документации имелись достаточно подробные карты тех мест с глубинами и прочими подробностями. В том числе с отмеченными якорными стоянками. Так что планировали этот набег, зная, где искать.

После суточного отдыха, совмещенного с пополнением угольных ям, «Алеут» в сопровождении четырех самых ходких вооруженных паровых шхун, подтянувшихся к тому времени из Отару, отправился на восток. Это соединение в штабных документах фигурировало как Малая восточная экспедиция.

Рыбный сезон с его интенсивным малым судоходством уже закончился, так что на трофеи никто не рассчитывал. Целью было постараться уничтожить мобилизованные каботажники, используемые в патрульной службе и перевозках. А в случае невозможности заставить их сидеть по норам и не высовываться.

От самого пролива Цугару и порта Муроран в восточном направлении до порта Кусиро берега Хоккайдо обычно пусты. И пригодных для стоянки бухт там нет, так что первой целью наметили именно Кусиро с его серными и медными рудниками. Маршрут просчитали так, чтобы появиться в виду него на рассвете. Но рассвет выдался туманным, что затрудняло ориентирование, поэтому к берегу подходить не рискнули, сразу двинувшись дальше, к бухте Акеси.

Однако пока копошились у порта, скрытность была потеряна. С торчавших над туманной дымкой возвышенностей восточнее Кусиро маленький русский отряд обнаружили, о чем свидетельствовали появившийся дым сигнального костра и начавшаяся световая сигнализация.

Это, конечно, не радовало, но поиск отменять не стали. Разойдясь в цепь, продолжили движение на восток и спустя менее чем час вышли на траверз бухты. Туман уже редел, так что мыс Сирипами разглядели почти сразу. А следом показался и остров Дайкоку, за которым, согласно японским и английским картам, имелась удобная якорная стоянка. Но когда подошли ближе к острову, увидели, что она пуста.

Видимость продолжала улучшаться. Дальнего берега бухты все еще не видели, но какие-то неясные силуэты начали проявляться из мглы. Предположив, что это японцы, скрывающи-

еся в дымке, решили задержаться и осмотреть всю гавань. На мины нарваться не опасались. В здешних вечно туманных водах осложнять собственную навигацию еще и этим никто бы не стал. А чтобы обезопаситься от внезапного нападения с моря и из бухты, одну шхуну выслали в дозор на десять миль южнее, а две другие образовали разведывательную группу и двинулись в обход отмели, сбегавшей от Сирипами на восток.

Пробираясь между ней и серыми скалами Дайкоку, с передовой завесы разглядели какое-то сооружение в виде небольших ворот на отколовшемся от мыса совсем маленьком утесе, чуть качнувшись в сторону берега. Должно быть, японский храм, посвященный морскому богу. Но долго разглядывать его было некогда.

На открывшейся за мысом стоянке обнаружили первую добычу – три небольшие каботажные шхуны. Они уже распустили паруса и, поймав ими ветер, катили по небольшим волнам в направлении селения Акеси, располагавшегося в проходе во внутреннюю, меньшую и мелководную, гавань бухты. Их начали преследовать, но сразу угодили под огонь с берега и с четырех небольших паровых судов, стоявших там на рейде. Под их прикрытием парусники благополучно скрылись в проходе.

«Алеут», осторожно продвигавшийся следом за своим авангардом, не оставлял японцев без ответа, но в саму бухту углубляться не решился, маневрируя на входе, чтобы не терять из вида четвертую шхуну, через которую поддерживалась связь с выдвинутым на юг дозором. Разведка, сохраняя ему открытой директрису стрельбы, держалась левее и тоже палила из своей мелочовки.

В ходе получасовой перестрелки удалось добиться нескольких попаданий в пароходы, вызвав сильный пожар на одном из них. Главный калибр «Алеута» из пары трофейных армстронговских стодвадцаток явно доминировал над полевыми пушками и мелкими скорострелками оппонентов. Теперь уже было окончательно ясно, что ничего более достойного здесь нет, а мелочь придется долго и нудно выковыривать из тех щелей, куда она забилась. Оно того не стоило, так что решили продолжить рейд в восточном направлении, чтобы успеть осмотреть рыбацкую стоянку Хаманака, или Шалоу, как она значилась на английских картах.

Не тратя время на обратное сосредоточение, прямо так и пошли: трое вдоль берега, а еще двое – с выдвижением в открытое море до десятка миль. Еще на подходе увидели паруса нескольких небольших судов, уходящих частью в открытое море, частью в сторону пролива Нумасидо между Хоккайдо и Хабомаи. Судя по всему, японцы успели оповестить здешних обитателей, что и не удивительно, учитывая наличие телеграфа.

Перехватить успели всего одну рыбацкую посудину. Ее саму, по причине ветхости, потопили, а экипаж, сплошь гражданский, взяли в плен. Позже, уже на Кунашире, после их допроса узнали, что уничтожили шхуну (одну из почти полусотни), мобилизованную японской армией для так и несостоявшейся высадки на Кунашир и Шикотан, а после – для несения дозорной службы в проливе Измены и его окрестностях.

Бегло осмотрев пролив и ближайšie островки, основными силами повернули на запад к бухте Немуро, которую также обследовали еще до наступления темноты. А пленных на одной из шхун отправили в Томари. Заодно и предупредили гарнизон, что придут туда отрядом на ночевку, чтоб не всполошились при появлении перед гаванью сразу четырех кораблей. В здешних глухих местах такое редкость.

Никаких результатов обследование японских стоянок в Немуро и Нотсуке не дало. На берег никого не высаживали. Можно сказать, что ограничились демонстрацией флага. Когда пришли в Томари, узнали, что в проливе Измены в районе полудня, то есть за несколько часов до нашего появления там, наблюдалось интенсивное движение малых судов, в том числе и паровых, в северном и восточном направлениях. Судя по всему, японцы рассредоточили все, что у них тут было, попрятав свои суда в многочисленных бухточках архипелага Хабомаи, ни осмотреть, ни заблокировать который сегодня уже не успевали.

Эту группу небольших островов, не имевших постоянного населения, теоретически контролировали японцы. Но по факту, из-за сомнительной ценности и недостатка сил лишь отстаивались среди скал, и то эпизодически, обычно предпочитая более уютные места. Было известно, что там имелись сигнальные посты, но где и какие, никто не знал. Пленные тоже ничего не смогли пояснить по этому вопросу, так как раньше бывали на островах только по рыболовецким делам, а их милитаризация началась совсем недавно, когда они уже вынужденно оставили промысел.

На следующий день Хабомаи тщательно осмотрели, вполне ожидаемо не найдя никого. У японцев была целая ночь, чтобы перепрятать всех, кто укрылся там вчера. И времени они даром явно не теряли. На этом рейд и закончился. Все суда Малой восточной экспедиции отправились на Итуруп в залив Рубецу, где перешли в подчинение командования Курильских островов.

Одновременно с организацией осмотра побережья юго-восточного Хоккайдо Небогатову пришлось многое сделать и в плане повышения общей боеспособности береговой обороны. Добраивали и усиливали батареи и прочие укрепления на северном берегу пролива Цугару. Параллельно шло восстановление противоторпедного бона на стоянке у мыса Одана. Тщательно прорабатывалась схема взаимодействия сигнальных постов, осветительных и артиллерийских позиций.

В первую очередь, используя захваченную документацию, закончили восстановление проводных телеграфных линий, в том числе и с Мурораном, через кабель, как оказалось, уже проложенный японцами поперек устья залива Уциура. Это позволило принципиально увеличить скорость прохождения информации. Пришлось также вплотную заняться основательным обустройством резервных защищенных стоянок, армейских складов и лагерей.

Большим подспорьем в деле укрепления обороны совершенно неожиданно для всех оказались доставленные «Уралом» осветительные ракеты нового типа из последней партии. Чисто внешне они не производили впечатления серьезного оружия. От уже виденных многими ранее их отличал меньший калибр, всего два с половиной дюйма против четырех, и, соответственно, вес. Прежние вытягивали от полутора до двух пудов, а новые только десять, максимум двенадцать килограммов.

Но это все, оказывается, являлось их преимуществом. Новые изделия снабжались другим типом стабилизаторов – как пояснил прибывший с ними инструктор от Николаевского завода, улучшенным, благодаря работам полковника Поморцева. В прилагавшейся инструкции значилась дальность полета более восьми верст⁹, что вызывало обоснованные сомнения. Напутали чего-то в спешке, а может, и не испытывали вовсе. Война ведь. Но, судя по дате подписания акта, пробные отстрелы проводили еще до ее начала.

Рядом с солидными увесистыми предшественницами, которые удавалось пристроить на пусковой станок, только работая в четыре руки двоим сноровистым заряжающим, новые выглядели как-то не серьезно. Но уже первые пробные запуски развеяли тяжелый скепсис, сформировавшийся вокруг них. Всего один человек обеспечил выстрел сразу пяти таких хлопушек с фугасной боевой частью за одну минуту с палубы миноносца на ходу. Причем все пять благополучно дотянули до ближайшего лесистого склона, пролетев над водой почти две мили и рванув довольно высоко от полосы прибоя, едва пройдя апогей своей траектории. Рассчитывать на такой результат со старыми нечего было и думать. Обеспечить те же пять-шесть выстрелов в минуту тренированный расчет, но минимум из трех человек, еще мог. Но с этой позиции усы-

⁹ Реальные ТТХ ракет, освоенных к тому времени на Николаевском заводе, но невостребованных армией. После всесторонних испытаний первую партию изготовили еще до войны, но она так и не была закуплена и пылилась на заводских складах.

панний каменными головами пляж для них стал бы пределом по дальности. Судя по результатам испытаний, прилагавшиеся новые таблицы стрельбы выглядели правдоподобно.

Проведя несколько пробных пусков новых осветительных ракет, определили максимально возможную глубину их применения в тридцать кабельтовых. Хотя оптимальными по размеру светового пятна были не более двадцати пяти – двадцати семи. При использовании с вершины Хакотдатеямы эта величина увеличивалась, но ненамного, поскольку на заключительном отрезке из-за снижения скорости падение становилось почти вертикальным. Полученные цифры после предварительной пристрелки назначенных секторов с развернутых позиций позволяли существенно отодвинуть границу зоны, просматриваемой и, соответственно, простреливаемой ночью. Весьма актуально, учитывая уже имевшие место прецеденты. А что японцы отнюдь не угомонились, подтверждали дрейфующие мины, обнаруживаемые в проливе довольно часто. Их, должно быть, срывало сильными течениями с новых заграждений, до сих пор не обнаруженных нами.

К началу октября миноносцы, а следом и вспомогательные крейсера, начали выходить в море. За пару дней проверили механизмы пробными пробегами и начали готовиться к реализации плана превентивных мер, уже разработанного штабом отряда. А ремонт обоих броненосцев продолжался до 10 октября. Причем велся исключительно судовыми средствами.

Ремонтные мощности порта Хакотдате, почти не пострадавшего в ходе боев, оказались серьезно ограничены после сильного пожара в мастерских, случившегося в ночь первой минной атаки. Несмотря на сразу же начатые восстановительные работы, пока они оставались достаточно скромными и не обеспечивали даже потребности малочисленных импровизированных легких дозорных сил.

Отсутствие дока создавало дополнительные трудности. Для исправления любых подводных повреждений приходилось городить подручные средства. К счастью, ничего серьезного в этом плане пока не имелось, и успешно обходились небольшими сухими ящиками, сооружаемыми за три, максимум пять дней¹⁰. Аналогичная ситуация сложилась и в Муроране.

В таких условиях Небогатов распорядился даже после завершения ремонта сократить до минимума все передвижения тяжелых кораблей. На все это время охрана отправляемых и встречаемых конвоев с одновременной активной разведкой и давлением на коммуникации противника стала заботой исключительно вспомогательных крейсеров. Но и те не покидали гаваней без трального сопровождения.

Самой заманчивой целью для набега единодушно признавался залив Вакаса на западном побережье Хонсю. Он считался наиболее вероятным предполагаемым конечным пунктом только что законченной японцами эвакуации своих войск из северо-восточной части Кореи. Если это так, то там сейчас было не протолкнуться от транспортов, загруженных армейскими грузами и войсками.

Но, несмотря на всю желательность скорейшего проведения именно такой операции, от нее пришлось отказаться. В штабных документах, привезенных «Алеутом», сообщалось, что все свои боеспособные корабли, оставшиеся в Японском море, противник использовал для прикрытия эвакуации. Даже в последнем нападении на Оочи, столь масштабном и впечатляющем, никто, представляющий реальную боевую ценность, не участвовал. Исходя из этого, считалось, что они, скорее всего, охраняют места разгрузки пароходов.

Хотя и собрано там откровенное старье (бронепалубный крейсер «Нанива» да раритеты из 7-го боевого отряда со вспомогательными крейсерами и миноносцами), до восстановления боеспособности «Николая», «Наварина» и «Нахимова» это сборище намного превосходило

¹⁰ Подобные методики исправления небольших подводных повреждений широко применялись в осажденном Порт-Артуре.

все то, что могли выставить против них русские из Цугару. А от главной базы флота, как стало известно из полученных бумаг, в ближайшее время помощи ждать не стоило.

Залив Муцу с недавно созданным там военным портом Оминато из планов рейда также исключили. По выводам аналитиков, основанным на результатах изучения трофейных документов, он использовался японцами только как пункт базирования дозорных судов и незначительных минных сил обороны Цугару (сейчас считавшихся уже разгромленными), а также как перевалочная база.

Конечно, иметь такой «гнойник» под боком чревато. Но вследствие уже хорошо известных сложностей с его зачисткой, исходя из имеющейся информации, для предотвращения накопления там ударных сил противника признавалось достаточным обеспечение дневной блокады подступов к восточному, а особенно к западному устью Цугару.

Оставалось озадачиться осуществлением этой самой блокады. Первым делом решили провести глубокую рекогносцировку северо-западного берега острова Хонсю, к югу от Цугару. Считалось, что боеспособные минные силы противника, представляющие хоть какую-то опасность, находятся только в Японском море, и, соответственно, именно оттуда и следует ожидать их нападения. Превентивное наступление на этом направлении обеспечит определенную безопасность.

В вылазке задействовали все четыре вспомогательных крейсера, в том числе и разгрузившийся «Урал». Предполагалось совместить её начало с отправкой обратного конвоя, загруженного трофейными рыбными консервами и прочими грузами. В его охране на начальном этапе должны были отметиться все участники предстоящей акции.

Сомнений в том, что их «срисуют» с береговых постов южного берега пролива, не было. Это позволяло надеяться, что в светлое время суток японцы не решатся даже приближаться к хорошо прикрытому каравану. Если все пойдет по плану, после наступления темноты еще какое-то время половина сопровождающих задействовалась в эскорте, а другие уходили к намеченным целям. Но нужна была погода, подходящая для аэроразведки.

В течение всего дня 2 октября следили за небом, ветром и прочими приметами. После полудня синоптики наконец выдали благоприятный прогноз на два ближайших дня. Поздно вечером «Урал», «Амур», «Сунгари» и «Днепр» собрались в бухте Мацумаэ. Вверх пополз черный пузырь Парсевала – Зигсфельда. Но, поднявшись до полукилометровой высоты, он сразу пошел вниз, замерев на середине спуска, где его заметно меньше мотало.

С японского берега наверняка хорошо видели этот «аттракцион», так же как и жирные дымы. Поэтому, чтобы не разочаровывать противника, еще до наступления темноты из пролива на запад, в сторону Владивостока вышли четыре больших парохода. Вся вооруженная четверка сразу заняла позиции в их охранении, сформировав конвой. Шар продолжал висеть над носителем, обеспечивая хороший обзор, заодно четко обозначив направление движения.

Уже в сумерках «колбасу» втянули в ангар. Но еще даже не дождавшись завершения процедуры швартовки аэростата, «Урал» и «Амур» повернули на юг-юго-запад, покинув ордер. Пароходы также изменили курс, приняв немного к северу и встав на курс к бухте Владимира. До полуночи их охраняли оставшиеся два крейсера.

Поскольку оснований для тревоги, а соответственно, для изменения планов за это время не появилось, в начале первого часа ночи «Днепр» и «Сунгари», подав короткую условную телеграмму по радио и приняв положенный отзыв от штаба Ольгинского укрепленного района, также развернулись и растаяли в ночи. А транспорты продолжили следование прежним курсом уже самостоятельно и еще до полудня благополучно вошли в залив.

Планом разведывательного рейда предусматривались одновременная атака гавани Сумиеси в заливе Рутси на острове Садо, где должен был действовать «Урал», и осмотр острова Тобишима, являвшегося целью для «Амура», и прибрежного селения Китауры, которое предстояло обстрелять «Днепру».

После атаки этих пунктов «Урал», «Амур» и «Днепр» прочесывали каждый свой участок побережья, двигаясь на север, в то время как от устья пролива их должен был встречать «Сунгари», спускавшийся на юг. Таким образом, в течение суток планировалось осмотреть сразу более двухсот миль японского побережья и прибрежных вод, в том числе порт Ниигата. Основной задачей был поиск возможных угольных станций и временных стоянок отрядов миноносцев. Попутно, как обычно, нарушение судоходства и рыбного промысла.

Первая пара вооруженных пароходов, отделившаяся с вечера, быстро набирала обороты на винтах. Громадина «Урал», разогнавшись сразу до семнадцати узлов, уверенно отрывался от «Амура», державшего всего тринадцатиузловой ход. Но гнаться за более резвым товарищем, надсаживая машины, бывшему немецкому графу не было нужды. Его цель находилась намного ближе.

Ночь прошла спокойно. Внимательно слушали эфир, но никаких признаков наличия дозорных линий, вопреки ожиданиям, не обнаружили. Перед рассветом, по мере приближения к острову Садо, радиостанция «Урала» все же начала принимать редкие короткие телеграммы, передаваемые японской телеграфной азбукой. Переговоры явно велись кодовыми фразами, поэтому разобрать их смысл не удалось. Сигналы были довольно слабыми и только от двух аппаратов, так что это никого не встревожило. Решили, что слышат обычные переговоры патрульных судов, которые, как теперь было известно, появлялись у японских берегов во все больших количествах. Командир крейсера распорядился подготовить к работе аэростат, поскольку по прогнозу погода ожидалась хорошая.

На заре догнали двухмачтовую шхуну, шедшую в Майдзуру с грузом риса. Людей быстро сняли, а судно потопили подрывными патронами и двинулись дальше. Спустя час впереди уже показались самые большие возвышенности западной части острова Садо. Ход увеличили до полного, начав подготовку к подъему аэростата. Скоро правее первых вершин обозначились над горизонтом и горы восточной части острова, что были чуть не вдвое ниже. Курс «Урала» упирался прямо в низменную середину Садо, куда с севера глубоко врезался залив Рутси.

К половине девятого уже имели возможность наблюдать за всей береговой чертой северной стороны острова. Позиция «Урала» позволяла гарантированно перехватить любое судно, выходящее из залива, но таковых пока не наблюдалось. Справа по борту под гористым берегом, густо заросшим лесом, с марсов видели паруса около десятка небольших судов. Скорее всего, промысловых. Еще несколько парусников маячили в глубине залива. Никого, способного представлять угрозу, не обнаружили.

Убедившись в этом, ход скинули до семи узлов, начав подъем аэростата. С высоты постепенно открылась не только вся акватория Рутси, но и расположенный через долину с другой стороны острова залив Мано. А много восточнее куталась в туманный саван береговая черта Хонсю, обозначенная несколькими зелеными вершинами, почти сливающимися с горизонтом. Оглядев широко раздвинувшийся горизонт, ничего угрожающего не отметили и из корзины.

До рыбацкого селения Сумиеси, находившегося прямо по курсу, чьи строения уже угадывались в бинокль с марса, оставалось не более десяти миль. А из корзины шара видели даже зеркальную гладь озера Камо за ним. Отмечалась световая сигнализация со склонов гор, но этим все враждебные действия и исчерпывались. На берегу дымили несколько небольших труб, то ли фабрик, то ли каких-то мелких мастерских.

Сначала не было видно никаких признаков базирования паровых судов. Ни угольных складов, ни якорных стоянок. Только когда приблизились на шесть миль, смогли разглядеть два небольших судна без парусного рангоута, но с трубами. Они укрывались под мысом Нотокезаки. Рядом с ними качались на якорях еще шесть довольно крупных шхун, за чьими корпусами и вантами и затерялись стоявшие с погашенными котлами пароходы. Увидеть их удалось только с трехсотметровой высоты.

Поскольку других целей ни в самом заливе, ни в его окрестностях не нашлось, «Урал» положил лево руля и, развернувшись на восток, вскоре начал пристрелку правым бортом по этой стоянке. Еще до того как начали стрелять, с шара сообщили, что атакованные суда спешно оставляются экипажами, так что взять пленных с них уже не представлялось возможным.

Это никого не огорчило. Радовало, что время на это тратить не придется. Как-то не совсем уютно было в одиночку так далеко от своих. Добившись накрытий, перешли на беглый огонь в максимальном темпе. Спустя двадцать минут, проходя уже всего в пятнадцати кабельтовых от выбранных целей, хорошо видели пожары на нескольких судах. Два из них, похоже, легли на грунт, и из воды торчали только мачты.

Шар к этому моменту уже спустили. С высоты разглядели какие-то дымы в направлении Ниигаты, так что решили подготовиться к рывку на максимальной скорости, чтобы успеть их перехватить или удрать, в случае чего. Видимость была почти до горизонта, так что и обзора с марсов пока вполне хватало.

Уверенно разгоняясь на юго-восточном курсе, довольно скоро среди гор, встающих над морем впереди, уже различали контуры тех, что окружали долину реки Агано, в устье которой и находился портовый город Ниигата. Поскольку он не имел удобной гавани, застать на рейде большое количество судов не рассчитывали, обнаруженный с шара дым интересовал все больше.

Когда наконец показалась береговая черта, легкая дымка над морем справа по борту начала чуть густеть. Скоро марсовые разглядели то, что искали, но было еще слишком далеко. Это с одинаковой вероятностью мог быть шальной транспорт, дозорное судно или крейсер, охранявший побережье. Хоть японский флот и разгромили, но перетопили еще далеко не всех, так что основания опасаться все же имелись, так же как и повод проверить, кто же там все же шарится. В машину приказали держать пар на марке и повернули навстречу. Ниигата, забитый только впавшей в панику мелочовкой, уже никого не интересовал. Было видно, что там ныкается только промысловая мелочовка.

Вскоре все разрешилось. Обнаруженный дым оказался почтово-пассажирским пароходом «Цутиура-мару». Как выяснилось, на нем слишком поздно узнали о нашем появлении в этих водах, поэтому скрыться не успели. Только дисциплинированно утопили сигнальные книги, бумаги на груз и штурманские карты. Призовая партия обнаружила лишь разнообразные продовольственные товары, а также много пассажиров, в том числе женщин и детей. Поскольку их пересадка на «Урал» заняла бы не один час, а плавание на шлюпках до берега в условиях довольно крупной зыби представлялось рискованным, просто стравили пар из котла, чтоб не вздумали следить, и ушли, не прощаясь.

Следующим пунктом маршрута «Урала» стал гористый остров Авасимура. Являясь, по сути, торчащей из моря скалой около трех миль длиной, он совершенно не имел закрытых гаваней, поэтому его осмотр не занял много времени. С мостика и клотиков мачт не видели ничего, кроме нескольких небольших рыбацких посудин, тут же бросившихся к берегу.

Возле острова снова начали поднимать шар. С него убедились, что никто не укрылся в тени берега, а рыбаки бегут на восток. Гоняться за этой мелочовкой не стали, а вот большую шхуну, шедшую встречным курсом в десяти милях западнее, обнаруженную еще в самом начале подъема аэростата, перехватили, отложив дальнейшую аэроразведку.

Как выяснилось из опроса арестованной команды, судно шло из Фукауры с грузом рыбьего тука и жмыхов и направлялось в Наойецу. Его потопили артиллерией, чтобы не терять время на закладку зарядов.

Пока гремели пушки, снова подняли «колбасу». С ней над головой не спеша и двигались далее, держась милях в семи от берега и ведя постоянное наблюдение с воздуха. На участке, который следовало осмотреть «Уралу», больше не было бухт или подходящих для стоянок мест, так что оставалось только надеяться перехватить кого-то еще. Но до темноты ни дымка,

ни паруса больше не видели. Беспроводной телеграф также молчал: ни депеш, ни помех. Следовательно, остальные участники акции ничего подозрительного не нашли, и путь домой свободен. На закате убрали шар и полным ходом двинулись в пролив Цугару. К полудню следующего дня, последними из участников набега, вошли в Хакотдате, где уже стояли все остальные крейсера.

«Амур» оказался более удачливым. Так же спокойно следуя почти строго в южном направлении всю ночь сначала на тринадцати, а потом на пятнадцати узлах, он на рассвете легко определился с местом по открывшейся над горизонтом вершине вулкана Чокай. Держа курс прямо на нее, вскоре увидели справа по носу возвышенности острова Тобишима. Продолжая движение прежним юго-восточным курсом, приблизились к нему миль на шесть и увидели уходящие за него две шхуны средних размеров.

Что-либо предпринять по этому поводу не успели. Для открытия огня было еще далеко, а слева по борту горизонт мазнуло черно-серым. Там явно кто-то шел под парами. Немедленно развернувшись на него, вскоре разглядели, что это два парохода, направлявшихся к берегу.

Судя по японской карте, шли они к селению Никахо. Там береговая линия немного выдавалась в море, образуя естественное укрытие от шедшей с юга зыби, и можно было отстояться на якоре с холодными машинами, чтобы не привлекать внимание дымом. Почуввав добычу, «Амур», идя на полном ходу, нагнал их еще до того, как те приблизились к мелководью, и принудил лечь в дрейф.

Выяснилось, что это японские транспорты «Инаба-мару» и «Сануки-мару», направлявшиеся к проливу Цугару. От их капитанов, вполне сносно изъяснявшихся на английском, узнали, что они имели приказ скрытно добраться до бухты Фукаура, там принять на борт лоцмана и ночью пройти проливом в Тихий океан. Оба судна были из состава транспортной группы корейского экспедиционного корпуса, оказавшейся сейчас запертой в Японском море.

Последнее вызвало повышенный интерес, и опрос продолжился с еще большим энтузиазмом. Однако прояснить удалось немного. Узнали только, что, поскольку пути выхода на юг мимо Цусимы сейчас перекрыты русским флотом, все пароходы спешно разгрузили и рассредоточили по бухтам залива Вакаса и его окрестностей в ожидании дальнейших инструкций. А эти капитаны сразу по приходе получили свою задачу и об общей численности этой самой группы и силах охраны района ее стоянки ничего не слышали. Или говорили, что не слышали. Черт их разберет.

Оба шкипера явно гордились, что приказ, который они исполняли, получен напрямую из Токио. Там, встревоженные набегом наших крейсеров и миноносцев на залив Абурадани, решили попытаться вывести скопившиеся транспорты северным маршрутом. Считалось, что ночью пролив Цугару вполне преодолим, несмотря на присутствие русских в Хакотдате. Попутное течение должно было способствовать успешному форсированию.

Выделить хоть какой-то эскорт им не смогли, поэтому предписывалось передвигаться только в темное время суток, отстаиваясь днем в бухтах с погашенными котлами. Они так и делали, но из-за плохого угля не смогли держать нужный ход ночью, поэтому не успели добраться до реки Коуши затемно. Появление «Амура» с южных румбов, имевшего к тому же внешность обычного парохода, японцев не встревожило. До занятого русскими Цугару еще далеко. А когда разглядели пушки и флаг, дергаться было уже поздно.

К моменту окончания допроса суда уже шли следом за вспомогательным крейсером на север под управлением призовых команд. Расторопность, проявленная при захвате, оказалась не напрасной. В продолжение столь удачного утра во второй половине дня догнали и потопили шхуну, шедшую с углем из Вакамацу в Аомори. Затем обстреляли рыбацкую флотилию у Акита, разогнав ее и вынудив бросить снасти. Когда уже стемнело, увидели слева по борту

слабый источник света, возможно, ходовые огни небольшого судна, но вскоре потеряли его из вида. Несмотря на активные поиски, никого не нашли. Зато в результате всех этих резких маневров отстал и потерялся «Инаба-мару», найденный только утром у самого входа в Цугару.

Вспомогательный крейсер «Днепр» отправился к японским берегам, только проведив вместе с «Сунгари» караван транспортов. За оставшуюся половину ночи добравшись до скалы Мизи, на рассвете «Днепр» осмотрел бухту Тога. Эта небольшая, довольно мелководная гавань, несмотря на навигационные сложности, считалась вполне пригодной для стоянки небольших пароходов и миноносцев.

Врезаясь в берег более чем на полмили, она имела примерно такую же ширину на входе. Но судоходная часть прохода была вдвое меньше из-за отмели, далеко отходившей от южного мыса. Ее внутренний рейд довольно хорошо закрывали от волны и ветра с моря два скалистых островка и россыпи рифов.

Толстобокому «Днепру» ни в бухте, ни вблизи нее было не повернуться, поэтому для осмотра пришлось поднять аэростат. Однако хлопоты оказались напрасными. Даже с воздуха никого, кроме рыбацких фуне и прочей подобной мелочовки, не увидели. Убедившись, что гавань пуста, «Днепр» двинулся на север, осматривая побережье. Шар не опускали, так как попутный ветер позволял держать ход в двенадцать узлов. Этого было вполне достаточно, чтобы успеть проверить весь отведенный крейсеру участок.

В бухте Китоура обнаружили и обстреляли два небольших парусных судна. Поскольку аэростат больше не спускали, чтобы иметь возможность заранее обнаружить возможную опасность, такая тактика сразу и окончательно лишила «Днепр» возможности взять хоть какой-то приз. Столь броскую «вывеску» японцы замечали издалека, успевая спрятать что поменьше, а большое выпихнуть в море.

На подходе к мысу Когензаки с воздуха обнаружили около десятка парусных судов, бегущих на запад, прочь от берега. Крейсер двинулся им наперерез, поспешно начав выбирать привязной трос аэростата. Но на это требовалось время. Только спустя почти полчаса, застропив его на палубе, получили возможность дать максимальные пятнадцать узлов. Но шанс уже был упущен. Успели догнать лишь один парусник, потопленный артиллерией после снятия экипажа. Остальные рассыпались по горизонту и пропали из вида, пока возились с этим, так и оставшимся единственным.

Осознав, что до ночи догнать больше никого не получится, повернули к входу в пролив Цугару. Взятые пленные не говорили ни по-английски, ни по-немецки, ни по-французски. Так что только утром, когда уже благополучно вошли в гавань Хакотдате и вызвали переводчика, от них узнали, что упустили караван зерновых шхун из Аджигасавы. Там они грузились рисом и пшеницей, выращенными в обширной долине реки Иваки. Всего их было более трех десятков. То, что видели с «Днепра», являлось уже хвостом убежавшего большого каравана.

Если бы не висевший высоко в небе шар, с тридцати миль замеченный с поста на мысе Когензаки, рейдер застал бы его весь под берегом или перехватил на отходе. Слабым утешением было то, что к моменту получения известия о появлении у побережья крупного парохода с аэростатом часть японских судов еще не закончила погрузку и ушла с полупустыми трюмами.

Четвертый вспомогательный крейсер «Сунгари», все еще не получивший новую станцию беспроволочного телеграфа взамен разбитой своей же артиллерией, действовал в непосредственной близости от западного входа в пролив Цугару. В течение дня 3 октября он спускался к югу от западного устья Цугару вплоть до уже опустевшей Аджигасавы. Никого обнаружить не удалось, включая и «Днепр», в расчетное время встречи еще гонявшийся за рисовыми шхунами много западнее назначенной точки randevu.

Это встревожило командира рейдера капитана второго ранга Македонского. Не имея радио и не видя никого из своих на горизонте, ему не оставалось ничего другого, как вернуться

в пролив. Развернувшись на север, дали полный ход и на закате уже огибали мыс Таппи. Благодаря такой поспешности «Сунгари» первым из всех добрался до Хакотдате. Только в порту узнали, что своим появлением у Кодомари сильно обеспокоили противника, весь день славшего тревожные депеши телеграфом без проводов. Судя по всему, столь активно трезвонившая станция стоит где-то там. И это было все, чего он смог добиться.

Когда на следующий день в штабе Небогатова обобщили рапорты командиров и подвели итоги, результаты набега признали вполне удовлетворительными. На серьезную добычу никто не рассчитывал, поэтому приведенные призы почти в четыре тысячи тонн каждый стали приятной неожиданностью. Кроме того, не мог не радовать явный срыв японских планов по выводу скопившихся в Вакаса транспортов северным маршрутом. После потери двух судов вряд ли этим путем отправят в ближайшее время кого-то еще. Упущенный караван шхун, конечно, жаль, но тут уж ничего не попишешь. Зато, как говорится, приобрели бесценный опыт.

Глава 4

С возвращением «Урала», пришедшего последним, для доклада начальству, отдыха и пополнения запасов вспомогательным крейсерам отвели всего несколько часов. Уже рано утром 5 октября, еще в темноте, все они отправились в аналогичный рейд на восток в Тихий океан.

Задачей было провести разведку возможных неприятельских дозоров в непосредственной близости от восточного устья Цугару. В соответствии с последними штабными директивами следовало начинать их систематически беспокоить, чтобы держать противника в тонусе.

В случае если прорвать патрульную линию удастся быстро, предполагалось осмотреть район залива Сендай и побережье к северу от него. В отличие от северо-западного Хонсю, на тихоокеанском берегу северной оконечности этого острова между Сендай и Кудзи имелось сразу несколько бухт, вполне подходящих для временного базирования миноносцев и истребителей, так что потенциальных целей для дальней вылазки было больше.

Благополучно миновав мыс Сириязаки еще в темноте, к рассвету успели достаточно удалиться от берега, чтобы не опасаться обнаружения с сигнальных постов. Атаковать дозоры хотели внезапно, чтобы перетопить как можно больше. Так предполагалось достичь максимального морально-подавляющего эффекта.

Океан встретил не особо приветливо. Холодный, порывистый северо-западный ветер развел приличную волну. Но видимость была до горизонта. За кормой милях в двадцати пяти угадывались горы северного Хонсю и Хокайдо. Определившись по ним со своим местом, повернули на юг, разойдясь в шеренгу и держа интервалы в пять-шесть миль. Едва каждый занял назначенное место, на правой раковине правофлангового «Урала» обнаружили дым. Все крейсера сразу повернули на него.

Вскоре стало ясно, что он идет навстречу, а потом разглядели и его источник – пароход средних размеров с тремя мачтами и одной трубой. Он упорно пер на северо-восток, хотя наши дымы тоже давно уже видел. Капитан второго ранга Паттон-Фантон-де-Веррайон распорядился начать ставить помехи. Судя по всему, это оказалось верным решением. Встреченное судно явно было военным. Как только с него разглядели, кто к нему приближается, пальнули в небо пачку сигнальных ракет и бросились удирать, делая не меньше шестнадцати узлов.

Гнавшийся за ним «Урал» без напряжения давал восемнадцать с половиной, но нагонял беглеца довольно медленно. А ближайший сосед «Амур», изначально оказавшийся почти в шести милях севернее, и вовсе скоро отстал и пропал за горизонтом. С мостика «Урала» хорошо видели, что на ракетный сигнал с преследуемого судна кто-то отозвался такими же комбинациями ракет далеко на юго-западе. Но никаких других дымов на горизонте пока не показалось.

Ход подняли до самого полного и лишь тогда, спустя два часа погони, сократили дистанцию до двадцати восьми кабельтовых. В бинокль уже различали японский военно-морской флаг на гафеле и серьезное орудие, установленное на возвышенной палубе юта. Сомнений не оставалось – это один из тех, кого искали.

Начали пристрелку. Но из-за резкого маневрирования цели и ощутимой даже таким тоннажем качки накрытия удалось добиться только через четверть часа. Спустя еще двенадцать минут методичной стрельбы было наконец отмечено попадание в надстройку, вызвавшее пожар.

Японец начал отвечать. Дистанция составляла уже менее двух миль и продолжала сокращаться. Но противник, сильно уступавший в размерах «Уралу», явно сильнее страдал от волны, и все его залпы ложились с большим разбросом и без всякой системы. Однако к нему, похоже, уже кто-то спешил на помощь. Показавшиеся с юго-востока дымы явно двигались

встречным курсом и спешили к месту боя. Скоро уже стали различимы силуэты двух однотрубных двухмачтовых судов.

Они были не слишком большими, а потому особой тревоги не вызывали. Но на юге обозначился еще один дым, также бежавший сюда. Получив доклад об этом из «вороньего гнезда», Де-Веррайон взглянул на отмеченный штурманом пеленг на карте и задумчиво обронил: «Это сколько же их тут пасется-то?!»

А японец, судя по его поведению, явно рассчитывал на надежное прикрытие уже в ближайшее время. Он намеренно отступал в направлении дымов, а вовсе не бежал куда подальше. Хотя на этом курсе «Урал», срезая угол, приближался быстрее. И, по мере сокращения дистанции, попадать начал чаще. Пожар в надстройке усиливался, кормовое орудие замолчало, но ход пока не снижался.

Тем временем приближавшиеся с юго-востока суда удалось опознать как корабль береговой обороны «Такао» и старый крейсер «Цукуси». Тот, что шел с юга, тоже показался над горизонтом и был похож на большое пассажирское судно. С носовых углов трубы створились, и сколько их, понять не могли, а мачт насчитали две штуки. Удалось разглядеть еще обширную шлюпочную палубу вдоль всей надстройки.

С появлением новых противников необходимость препятствовать телеграфированию отпала. Наоборот, стоило сообщить остальным о резком изменении ситуации. Но сразу выяснилось, что теперь постановкой помех активно занялись японцы. Даже новая станция «Урала» не могла пробить завесу бессистемных точек и тире, выпускавшихся в эфир, вполне вероятно, именно обстреливаемым пароходом.

Преследования не прекращали, надеясь все же его подстрелить. Но совсем скоро «Такао» начал пристрелку. До него по дальномеру было уже всего 32 кабельтова. Но, судя по разлету снарядов, и ему мешала волна. К тому же встречный ветер должен был «слепить» всю оптику, так что его шестидюймовок не особо боялись.

В течение следующих восьми долгих минут вцепившийся в свою жертву «Урал» находился под перекрестным огнем. За это время его комендорам удалось добиться еще нескольких попаданий, но ход японцу так и не сбили. Зато «Такао», активно кивавший мачтами в такт качке, сумел приноровиться и успешно пристрелялся. Как только два его последних залпа дали накрытия, открыл огонь еще и «Цукуси». К всеобщему удивлению, он тоже сразу положил свои снаряды накрытием, а один из трех даже прямым попаданием, словно его и не мотало вовсе. К тому же он также оказался вооружен современными скорострелками калибра не менее шести дюймов.

К преимуществам серьезного калибра японских пушек добавлялась еще и в разы большая площадь борта огромного русского парохода. Теперь уже «Урал» был вынужден уходить от накрытий резкими переключками руля, что негативно сказалось на качестве собственной стрельбы, в то время как избежать новых попаданий все равно не удалось. За пять минут таких метаний еще три снаряда разорвались в надстройках. Осколками разорвало парусиновый тент на юте и повредило подъемную лебедку аэростата.

Так и не прикончив свою жертву, крейсер был вынужден развернуться и выйти из боя. «Такао» с «Цукуси» пытались преследовать, но быстро отстали. Зато пароход, что приближался с юга, упорно висел за кормой, хотя с самого начала ему был прекрасно виден дым шедшего теперь навстречу «Амура», а потом и «Сунгари» с «Днепром». Такое преследование продолжалось до тех пор, пока над горизонтом не показались мачты всех троих наших вспомогачей.

Причем в ходе погони японец даже сокращал дистанцию, то есть был резвее. Только осознав, что прежде чем сблизится на дистанцию уверенной стрельбы, будет иметь дело сразу с четырьмя вооруженными судами, он все же развернулся через правый борт и вернулся к своим. Дистанция в этот момент превышала четыре мили.

Его удалось довольно хорошо разглядеть в профиль. Двухтрубный пассажирский с европейской архитектурой. Довольно больших размеров. Вооружение не менее чем из восьми шестидюймовок. По крайней мере, на борт у него могло стрелять целых пять таких пушек.

На этом бой и закончился. Повреждения «Урала» оказались невелики. Самой неприятной новостью стал разбитый осколками электромотор лебедки подъема-опускания аэростата. Правда, редукторы и все остальное не пострадали, и возможность обслуживания «колбасы» вручную сохранилась. Это было, конечно, гораздо медленнее, но все же... А главным итогом столкновения стало резкое изменение намерений.

Сойдясь вплотную с «Амуром» и дождавшись подхода второй пары, командиры провели короткое совещание относительно плана дальнейших действий. Поскольку на горизонте к югу и к юго-востоку все еще маячили дымы японских дозорных судов, и их даже становилось больше, не было никаких сомнений, что без ущерба проникнуть за эту линию в светлое время суток не удастся. Кроме того, даже если, дождавшись ночи, получится миновать район дозоров, вряд ли будет шанс накрыть хоть кого-то из судов обеспечения на местах их стоянок. Времени для эвакуации всего ценного у японцев уже сейчас было достаточно. А к утру, скорее всего, вообще будет обнаружено лишь голое побережье. Даже рыбаки забьются по щелям да устьям рек. Пришлось возвращаться фактически ни с чем, ограничившись традиционным осмотром рейда Хатинохе, вполне ожидаемо совершенно пустого.

В Хакотдате решение о сворачивании рейда одобрили. Но такая концентрация вооруженных судов настораживала. Об этом следовало известить гарнизон на Курилах, заодно согласовав границы зон ответственности и план дальнейшего взаимодействия.

На следующий день «Урал», как единственный скоростной Небогатова, снова отправился на восток. Он должен был провести повторную разведку маршрута из Цугару на Курилы. Хоть после ухода туда «Алеута» и прошло всего несколько дней, ситуация могла измениться.

На переходе дважды выходили на связь по радио с «Сунгари» и «Днепром», снова шупавшими японские патрули. На этот раз они пытались спуститься к югу вдоль самого берега. В переговорах участвовала и станция «Николая», так что радиообмен получился довольно интенсивным, что вызвало явное беспокойство противника. Число дымов, наблюдаемых с рейдеров, снова быстро увеличивалось. На этот раз они появлялись даже почти за спиной, что вынудило снова вернуться, так и не добравшись даже до Кудзи. Зато поход «Урала» прошел спокойно. В море никого не видели и к ночи 9 октября уже вернулись, доставив обратную почту для штабов во Владивостоке и Хакотдате.

Чтобы отвлечь японцев и прикрыть его обратный прорыв, ночью накануне «Амур», воспользовавшись дождливой погодой, тихо просочился за линию патрулей южнее мыса Сирия-заки. На рассвете он оказался в виду устья реки Медачи, но, кроме рыбацких флотилий, никого не обнаружил. Рейд был совершенно пуст. Первое время не отмечалось даже радиотелеграфирования, только сигнальные дымы и мерцание гелиографов. Судя по всему, его появление здесь оказалось сюрпризом.

Закончив осмотр, «Амур» направился на восток. Горизонт оставался пустынным, и крейсер приступил к выполнению второй задачи рейда – радиоразведке. В точном соответствии с инструкцией, полученной из Владивостока, с него начали работать своей станцией, меняя телеграфистов и силу сигнала, имитируя присутствие в этом районе не менее трех наших кораблей. Его поддержал «Николай» из Хакотдате и «Днепр», заранее выдвинутый в океан на тридцать миль к востоку от выхода из Цугару.

Совсем скоро начали принимать удаленную работу японской станции. Позже ей отозвались еще две, уже ближе, а потом сильный передатчик издалека, откуда-то с юга. Разобрать ничего не могли, поскольку телеграфировали, помимо шифра, еще и кодовыми фразами. Но все писалось на ленту. К этому времени рейдер уже практически возвращался к проливу, держась вне видимости с чужого берега.

Примерно на полпути до мыса Сириязаки справа показался японский вспомогательный крейсер. Но приближаться не рискнул, какое-то время следуя на параллельном курсе в пяти милях. За кормой на юге из-за горизонта поднимались дымы еще трех судов. Несмотря на близкую поддержку, сопровождать дальше входа в пролив конвоир все же не решился, поэтому обошлось без перестрелки.

За время отсутствия в базе «Урала» «Днепр» и «Сунгари» снова проверили западное побережье к югу от Цугару вплоть до района Акита, но не обнаружили никаких признаков активности противника. Видели только небольшие рыбацкие суда, три из которых потопили, привезя их команды в Хакотдате. Остальные успели скрыться.

Этими вылазками было установлено, что в Японском море в непосредственной близости от района базирования активность противника отсутствует, судоходство остановлено. Из Владивостока сообщали, что такая же картина наблюдается на всей акватории этого моря. Восточное направление к Курилам практически открыто. Там за все это время лишь дважды отмечалась работа станций беспроволочного телеграфа японской азбукой. Ни одного патрульного или разведывательного судна обнаружено не было. Зато путь на юг в Тихом океане перекрыт плотно, и силами одних только вспомогательных крейсеров преодолеть заслоны и добраться до участка побережья, уже запланированного к осмотру, достаточно рискованно. А в случае скрытного проникновения есть шанс оказаться отрезанным от главных сил.

Категоричное требование штабов флота и наместника обеспечить максимальную скрытность и безопасность предстоящей переброски значительных армейских контингентов Тихим океаном в южном направлении вынуждало Небогатова уже в ближайшее время предпринять набег всеми боеспособными силами на залив Сендай. По показаниям пленных, именно там базировались все корабли патрульных сил и их прикрытие. Планировалось атаковать стоянки и суда снабжения, а на обратном пути осмотреть побережье на предмет возможных временных угольных станций, обеспечивающих дозорные суда и легкие минные силы, при их действиях в самом проливе Цугару.

Рейд, назначенный на 11 октября, пришлось отложить из-за испортившейся погоды. Тихий океан «дохнул» на восточное побережье Японии сырым воздухом, закрывшим все вокруг промозглыми туманами. Потом они переросли в нудные дожди, переходящие в зябкую морось и растянувшиеся на два дня. Мореходным судам такая погода, конечно, не сильно мешала, но использование воздушной разведки исключала полностью. А в предстоящем рейде для достижения желаемого эффекта планировалось использовать оба имевшихся в распоряжении Небогатова носителя воздухоплавательных парков.

Употребив пару дней вынужденной паузы на профилактические работы, сразу после «Амур» и «Днепр» снова наведались к острову Садо и порту Ниигата, осмотрев побережье и обстреляв стоянки промысловых и малых каботажных судов. Миноносцы, накануне перехватившие крупную шхуну у Акита, проверили бухту Китоура и прочесали побережье в северном направлении от нее, но без результата. Видели только рыбаков, шарахавшихся к берегу от любого дыма на горизонте.

Глава 5

С улучшением погоды на Тихоокеанском побережье все внимание Второго боевого отряда снова обратилось на восток. Воодушевленное успехом вылазок в Японское море, начальство в Хакотдате вознамерилось добиться подобного и в Тихом океане. Учитывая гораздо большее сопротивление на том направлении (против полного отсутствия такового на западе), привлекаемые для акции силы существенно усиливались. Точнее говоря, планировалось задействовать все, что можно. Возглавить экспедицию решил сам Небогатов, оставив дома «на хозяйстве» Энkvиста.

Несмотря на отсрочку, использовать «Наварин» в предстоящем деле не представлялось возможным. Помимо еще не законченного ремонта систем вентиляции погребов носовой башни и кубриков, пострадавших от шторма, на нем обнаружили серьезные дефекты котлов в одной из кочегарок. Частично их удалось устранить чеканкой швов, но требовалось еще время для завершения работ с заменой части заклепок, сборки агрегатов и восстановления разобранной кладки топок. Все остальное, кроме миноносцев и мобилизованных, пошло в дело.

В ночь на 14 октября «Урал», «Амур» и «Сунгари» вышли из Хакотдате. Это были силы прикрытия. Старшим в отряде назначили командира «Урала» капитана второго ранга Паттон-Фантон-де-Веррайона. Скрытно миновав передовую японскую завесу, с рассветом они атаковали уже известные японские дозорные линии в пятидесяти милях к юго-востоку от мыса Сириязаки.

Шли большим ходом в компактной колонне, имитируя попытку прорыва в океан. После установления контакта с противником, как и во всех предыдущих случаях, начавшим отходить к югу, преследовать не пытались, держа курс на юг-юго-восток.

К тому моменту, когда японцы поняли, что направление движения русских отличается от обычного, контакт практически был потерян, но ненадолго. К полудню на южных и юго-западных румбах показались сразу несколько дымов, явно искавших встречи с нашим отрядом. Как бы уклоняясь от них, крейсера еще больше приняли к востоку, но преследователи нагоняли. К вечеру в зоне видимости, но пока еще за пределами дальностей уверенной стрельбы, маячили два вооруженных парохода средних размеров. А за ними – еще пара очагов подозрительной черноты над горизонтом.

В течение всего дня японцы активно обменивались радиogramмами, не пытаясь мешать работе наших станций. Благодаря этому, в Хакотдате знали, что вспомогательным крейсерам удалось оттянуть как минимум значительную часть японских патрульных сил и кораблей их поддержки в восточном направлении. Для закрепления результата оставалось только изобразить попытку прорыва к Токийскому заливу, чем и занялись, пока не стемнело и зрители могли оценить «представление».

К шести часам вечера Паттон-Фантон-де-Веррайон находился примерно в 130 милях к востоку-юго-востоку от Сириязаки, о чем и доложил Небогатову по радио. Все так же имея в зоне прямой видимости двоих сопровождающих и кого-то еще невдалеке, он повернул на юг. Японцы разразились было внеплановой телеграммой, но на этот раз их передачу забили длинной искрой в самом начале. Вдобавок «Урал» дал самый полный ход и пошел на сближение.

Как и ожидалось, конвоиры боя не приняли, начав ворочать к западу и быстро потеряв из вида продолжавшие движение на юг «Амур» и «Сунгари». Спустя полчаса преследования «Урал», так и не выйдя на дистанцию залпа, вернулся на южный курс, попытавшись снова связаться по радио с Хакотдате. На этот раз переговоры прервали уже японцы.

Довернув еще на два румба, «Урал» двинулся к своим собратьям, чьи бурые шлейфы уже едва видели на востоке. В этот момент с «Амура» передали, что восточнее них показался дым неизвестного судна. Оно идет явно сходящимся курсом, но пока остается за горизонтом.

Чтобы не дать этому неизвестному разглядеть наш отряд до наступления темноты, «Амуру» и «Сунгари» было приказано увеличить ход, принять вправо и идти на сближение с флагманом. В результате этого все наши крейсера начали смещаться в юго-западную часть горизонта по отношению к нему.

Когда на закате отряд объединился, сзади слева над горизонтом уже торчали две мачты и верхушки двух труб быстро приближавшегося корабля, шедшего наперерез. А в шести милях западнее упорно маячила изрядно надоевшая за день парочка, явно не желавшая потерять нас в сумерках.

Станция «Урала» все так же трещала помехами, чтобы не позволить японцам согласовывать действия. После короткого обмена семафорами решили попробовать атаковать суда на западных румбах, воспользовавшись их лучшей освещенностью на фоне уже скорого заката, после чего отрываться на юг, а дальше – по обстоятельствам.

Еще до того, как совсем стемнело, все три вспомогательных крейсера резко положили право руля. «Урал» снова дал полный ход, рассчитывая успеть сблизиться с целями на дальность уверенной стрельбы раньше, чем погаснут последние отсветы зари. А там на шумок подтянутся и остальные.

На фоне заката силуэты японцев были хорошо видны, а вот нас они, судя по всему, потеряли из вида, так как совершенно не отреагировали на резкое изменение курса. Даже больше того, всего через пять минут довернули нам навстречу, после чего сближение заметно ускорилось.

Понимая, что тот, кто маячил на востоке, сейчас примерно так же может видеть весь его отряд, но вынужден догонять, Паттон-Фантон-де Веррайон спешил воспользоваться ситуацией и гнал свой пароход-крейсер вперед, изрядно опередив собратьев. Спустя менее получаса «Урал» открыл огонь всем правым бортом по головному, а вскоре по второму судну начал стрелять и «Амур». Но ему было еще далеко, и залпы ложились мимо. «Сунгари» в завязке боя вообще участия принять не успел.

В дальнейшем все свелось к кратковременному сосредоточенному обстрелу головного японца, после первых же залпов выбросившего пар и потерявшего скорость, а потом и загоревшегося. Второй сразу отвернул и успел скрыться в темноте, судя по всему, так и не получив повреждений.

Не меняя курса и скорости, русские быстро проскочили за кормой у подбитого противника, продолжая вгонять в него снаряд за снарядом. Когда он хорошо загорелся, стрельбу задрабили. Разворачиваться на новый галс, чтобы постараться гарантированно прикончить его артиллерией или минами, не стали. От мысли атаковать еще и тот пароход, что приближался с востока, тоже отказались, не надеясь быстро найти его в наступившей ночи. К тому же японцы теперь будут настороже, а большие размеры наших вспомогательных крейсеров, при вполне возможном наличии и у противника минного вооружения, делали подобную атаку весьма рискованной.

Сразу после боя удалось связаться с Небогатовым, хотя уцелевший соглядатай пытался активно перебивать наши передачи. Но, несмотря на помехи, доклад с «Урала» на «Николае» приняли уже со второй попытки, о чем уведомили квитанцией. А спустя час с небольшим с него передали приказ: «действовать по плану».

В соответствии с ним Де-Веррайону следовало выдвигаться к острову Кинкасан, одному из целой группы островов, ограничивавших залив Сендай с востока. Туда предписывалось прибыть не позже восьми часов утра и сразу задействовать аэростат. С этой позиции, при условии хорошей видимости, воздушная разведка накрывала всю акваторию залива.

После осмотра Сендай следовало продвигаться к северу, ведя осмотр побережья. Навстречу тем временем будут спускаться главные силы отряда с «Днепром», также с рассветом вышедшие к своим объектам на берегу со стороны океана, начиная от бухты Кудзи

и дальше к югу, в трех местах одновременно. Таким маневром сразу двести миль тихоокеанского берега северной части Хонсю от Цугару до залива оказывались блокированы нашими морскими силами. Встретиться планировалось еще до исхода первой половины дня где-то в районе бухты Хирота.

Входить в узости запрещалось, даже если там обнаружат соблазнительные цели (имелись сведения об активном минировании прилегающих вод). В случае встречи с серьезной добычей следовало вызвать тяжелые корабли и обеспечить блокаду до их подхода. При корректировке огня с воздуха для главных калибров внутренние якорные стоянки везде были доступны и с безопасных глубин.

Всю ночь прислуга дежурила у орудий. Даже когда взошла луна и видимость улучшилась, позволив крейсерам разойтись на пять миль друг от друга и образовать поисковую цепь, отбоя тревоги не давали. Опасались, что после такого шума нас ищут крупными силами. Однако никого больше не встретили. Над горизонтом на юго-востоке дважды видели сигнальные ракеты, но никакого дальнейшего развития эти сигналы не получили. Постоянно слышали японские станции, однако достаточно далеко.

Когда уже наутро начали заполнять шар, выяснилось, что его оболочка повреждена. Ангар полностью закрыли и включили электрическое освещение, чтобы скорее найти дефект. Океанская зыбь почти не чувствовалась, так что чуть надутую «колбасу» не трепало. Вскоре обнаружили совсем маленькую пробоину от осколка. Удивляло, что дырка оказалась только одна. Видимо, небольшой кусок рваного металла, пробив борт и несколько легких внутренних переборок, после серии рикошетов смог дотянуться до тонкой тканевой шкуры аэростата уже на излете.

Хотя из других новых повреждений на весь крейсер больше полутора сотен метров длиной и водоизмещением почти с броненосец набиралось лишь еще с десятков небольших осколочных пробоин, в итоге один из компонентов его вооруженной силы, от которого напрямую зависела возможность выполнения поставленной задачи, вышел из строя.

Поскольку из-за опасения нарваться на мины разведка вторжением в сам залив запрещалась, теперь, судя по всему, вообще предстояло ограничиться лишь осмотром издали с верхушек мачт. Учитывая, что Сендай заполняло множество скалистых островов и островков, густо заросших сосняком, толку от такого осмотра было чуть.

Изначальный план пришлось корректировать. Чтобы накрыть разом весь намеченный изрезанный участок берега, но и не терять возможность взаимной поддержки, все так же цепью, растянутой на два десятка миль, на заре и вышли к побережью. При этом у Кинкасан оказался самый крайний с юга «Урал». А с правофлангового «Сунгари» видели совсем недалеко на северо-западе скалы мыса Утатсу.

Рассвет был необычным, огненно-медным и душным. Несмотря на спешку с ремонтом, шар все еще не был готов к подъему. А без него из-за плотной дымки разглядеть с клотиков мачт ничего не удалось даже под восточным берегом острова. А что находится за хребтами возвышенностей с другой его стороны вообще оставалось загадкой. Хотя видимость там и была гораздо лучше. Обширная акватория залива Ишиномаки и рейды у островов Тасиро и Аджи в северном и северо-восточном углу Сендай тоже не просматривались.

Чтобы взглянуть на них хотя бы издали, из-за угла, «Урал» положил лево руля и, дав полный ход, начал огибать Кинкасан с юга. Но планы снова пришлось менять. Откуда-то с кормовых румбов докатились звуки частой стрельбы. Выяснить причину перестрелки по радио не удалось, поскольку наше появление японцы приветствовали сильным фоном помех. Еще только встав на южный курс, резко положили лево руля и развернулись на обратный. Тут же перекинули рукоятки машинного телеграфа на «самый полный вперед».

Скоро выяснилось, что причиной переполоха стал «Амур». Опасаясь выскочить на мины или мель, он благоразумно держался подальше от берега. Встреченный им небольшой пароход, пробиравшийся на север, попытался скрыться в бухте Онагава. Чтобы не допустить этого, и пришлось открыть огонь, поскольку на сигналы фонаря он не реагировал. Иного способа заставить свою потенциальную добычу остановиться до того, как она скроется за скалистыми островками восточнее самой бухты, просто не оставалось.

К моменту появления «Урала» японец уже тонул, а его экипаж в двух шлюпках спешно подгрёбал к высокому борту настигшего его рейдера. По требованию капитана второго ранга Генке японцы доставили в сохранности все документы на груз и на само судно. Хотя и успели прикончить его сами, еще до спуска нашей шлюпки с призовой командой подорвав что-то солидное в трюме, как только стало ясно, что уже не уйти.

Выяснив, что о «Сунгари», находившемся еще севернее и сейчас совершенно не видимом в тумане, сведений нет, Де-Веррайон не стал останавливаться. Приказав «Амуру» заканчивать здесь скорее и догонять, сразу двинулся туда. Шли по безопасным глубинам, осматривая побережье. Крупных целей не видели, зато парусов всякой мелочи под берегом насчитали более трех десятков. В ангаре уже закончили латать оболочку и начали снова ее заполнять для проверки, но поднять шар обещали только через пару часов, не раньше, когда накопят достаточно газа.

Свежий ветер быстро разгонял туман. Видимость стала уже вполне приличной. Только на северных румбах еще сохранялась легкая дымка, медленно и величаво изливавшаяся со склонов и из долин суши вместе с водами впадавшей в океан реки Китаками. Над океаном она растекалась по поверхности, истончаясь и тая.

Извилистый берег, проплывавший слева по борту, открылся уже во всей красе. Сбегавшие к воде густые зеленые рощи, с проблесками ярких осенних красок там, где хвойный ковер сменялся листвой и кустарником. Аккуратные контуры убранных полей в долинках и на небольших террасах, ряды домишек крестьян между ними и рыбацкие деревушки, скрывающиеся среди скал у самой воды. Никаких признаков укрывавшихся судов видно не было.

С «Амуром», уже тянувшимся следом, обменивались семафорами. С него также не наблюдали ничего подозрительного. Вдруг в той стороне, где должен был действовать «Сунгари», часто захлопали трехдоймовки. Самого крейсера все так же не было видно за мглой, но с клотиков «Урала» уже разглядели столб дыма из его трубы и верхушки мачт. С него своего флагмана, похоже, тоже, поскольку сразу после запроса дали условный ракетный сигнал, что опасности нет. Вероятно, обстреляли рыбаков или какое-то другое небольшое судно.

Когда южный ветер, продолжавший крепнуть, разогнал остатки тумана, предположение о попавшихся «Сунгари» рыбаках подтвердилось. Собравшись вскоре вместе, вспомогательные крейсера шли дальше вдоль берега уже компактной группой. Растягиваться в цепь не стали, поскольку условия видимости несколько ухудшились. Появилась какая-то вязкая душная мгла, сузившая горизонт всего до четырех-пяти миль. Ход держали максимально возможный, предполагая совсем скоро встретиться с «Днепром» немного севернее бухты Хирота. Но в расчетной точке авангарда Небогатова не нашли.

Радио все так же бестолково трещало на все лады. Причем этот сигнал, явно японского происхождения, становился только сильнее. Судя по всему, пароходы-крейсера приближались к его источнику. Это, в сочетании с задержкой главных сил, вызывало некоторую тревогу. Она окрепла, когда, осматривая бухту Роиши, марсовые сообщили, что видят прямо по курсу сигнальный змей с условным сигналом срочного сбора. И вроде дымка там плотнее.

Сразу двинулись прямо на него. Причем «Урал» не ограничивал себя, уйдя вперед. С него вскоре разглядели «Николая» и «Нахимова», уже развернувшихся бортом к ним и готовых открыть огонь, но передумавших после обмена опознавательными сигналами. Из ангара как раз доложили, что шар боеспособен, о чем тут же отмигали ратьером Небогатову. В ответ

приказали с этим не спешить, приблизиться и доложить результаты. Во всем чувствовалась какая-то напряженность и нервозность.

Глава 6

Пока крейсера под командованием Де-Веррайона оттягивали японские дозоры на себя, основные силы второго броненосного отряда Тихоокеанского флота, состоявшие из вспомогательного крейсера «Днепр», броненосца «Николай I» и броненосного крейсера «Адмирал Нахимов», к вечеру 14 октября выдвинулись из Хакотдате в Касиваноте. В начале седьмого часа вечера, после переговоров по радио со вспомогательными крейсерами, двинулись на юг, обходя по широкой дуге мыс Сириязаки с таким расчетом, чтобы не быть обнаруженными с берега до наступления темноты. Погода установилась ясная, на небе ни облачка. Только далеко на юго-востоке длинными плетями выхлестнуло над горизонтом перистые облака.

Уже во тьме приблизились к входному мысу восточного устья пролива Цугару, пройдя всего в пяти милях от него. На фоне остатков вечерней зари еще угадывались контуры его возвышенностей. В этот момент получили, сначала неразборчиво, а потом уже более читаемо, телеграмму с «Урала». С «Николая», уменьшив мощность передатчика, сразу отбили квитанцию. Следом приказ Небогатова – действовать по плану.

Внимательно следили за реакцией противника, но, кроме отдаленного фона помех, явно искусственного происхождения, ничего подозрительного не слышали. Довольно близкий берег также не проявлял никаких признаков беспокойства. Отмечалась дежурная работа береговых станций, уже хорошо знакомых нашим радиотелеграфистам. Ни световых, ни ракетных сигналов не наблюдалось. Ночь была душной и необычно тихой. С юго-востока шла зыбь, но тяжелые корабли раскачивались не сильно.

Самая проблемная часть акции – начало рейда для обоих участвующих в нем отрядов – развивалась в соответствии с предварительными планами. Наткнуться на кого-либо страшнее вооруженных пароходов или того старья, что уже видели здесь раньше, считалось очень маловероятным, так что в штабе отряда подсознательно настроились на мажорный лад, в предвкушении новых трофеев.

Вскоре после отправки распоряжений для вспомогательных крейсеров главные силы разделились. К рассвету 15 октября самые тихоходные «Николай I» и «Адмирал Нахимов», все так же идя вдоль берега, достигли бухты Кудзи, ближайшей гавани, которую могли использовать японские миноносцы. Ее осмотр ничего не дал. Обнаружили только небольшие парусные суда, которые обстреляли и разогнали из трехдюймовок.

Более шустрый «Днепр» к утру «добежал» до бухты Мияко, которую тщательно осмотрел при помощи заранее поднятого аэростата. Кроме рыбацкой флотилии, явно собиравшейся в море, но теперь сиганувшей под укрытие скал, там никого не было. С висевшего на полукилометровой высоте воздушного шара она просматривалась великолепно, хотя дальше по горизонту четкость видимости несколько терялась из-за легкой утренней мглы.

Тем не менее по мере дальнейшего продвижения на юг, уже неспешного из-за уходившей в небо привязи, так же полностью открылись бухты Ямада, Фунакоши, Отсуми, Роиши и Камаиси. Из всех них самой удобной для обустройства промежуточной базы, по мнению штабных аналитиков, была Ямада. И эти предположения, похоже, оправдались.

Наблюдатели из корзины во всех прочих видели только парусные суда, некоторые и довольно крупные, да прибрежную каботажную шелупонь. Это уже не вызывало всплеска адреналина, как в самый первый раз. Прикинув свои возможности и ценность потенциальной добычи в сравнении с хлопотами по опусканию шара и прочей возней с захватом, пришли к выводу, что они того не стоят. Напугали, разогнали по щелям, да и ладно.

Зато когда в гавани Ямада, глубоко вдававшейся в берег, разглядели сразу четыре крупных паровых судна, ажиотаж поднялся нешуточный. Еще больше обрадовались, когда стало

ясно, что три из них, судя по стелившимся над водой дымам, уже находились под парами. Это было понятно даже с пятнадцати миль, отделявших от них нашего разведчика в тот момент.

На всех палубах пошли пересуды. Уже знали, что отряд Де-Веррайона увел на восток вооруженных японцев. А эти, судя по тому, что отсиживались в бухте, а не курсировали под берегом, скорее всего, товарняки с чем-то ценным в трюмах, потому и прятались. А сейчас, похоже, вознамерились и вовсе удрать, да не вышло. Запахло приличными призовыми!

Но на мостике, как только услышали об обнаружении пароходов, первым делом предположили, что они вполне могут быть вспомогательными крейсерами или другими судами поддержки дозорных сил. И сейчас готовятся не бежать, а наоборот, атаковать зарвавшегося одинокого русского, потому и дымят трубами, наплевав на соображения скрытности.

Приказы посыпались градом. Чтобы скорее привести крейсер в готовность к бою, шар начали опускать. Убрав его в ангар, получали возможность дать максимальный ход для перехвата, если противник попытается ускользнуть, или для отхода к главным силам, в случае его нападения. Для полноценного артиллерийского боя, да еще сразу с несколькими противниками, «Днепр» все же не годился. Но попробовать перекрыть японцам выход в океан стоило однозначно.

Естественно, отправили депешу Небогатову о долгожданном контакте с приличной добычей, а также еще об одном пароходе, обнаруженном уже при спуске примерно в тридцати милях восточнее. Почти сразу приняли квитанцию о получении и начало еще какой-то депеши, которую перебила мощной искрой совсем близкая чужая станция. Удалось разобрать лишь три слова: «...добро на перехват».

Едва шар застропили в ангаре, аэростатоносец поднял ход до максимально возможного. Спустя примерно три четверти часа были уже напротив входа в бухту, но ее внутренняя акватория, закрытая крутыми зелеными скатами мыса Муоканзаки, совершенно не просматривалась с моря ни с какой точки. Даже сам вход, представлявший собой узкий проход между заросших лесом скал, не более полумили шириной, едва угадывался с занятой позиции в двадцати четырех кабельтовых к северо-востоку от него.

Дальше приближаться не решились. И так сильно напрягало близкое соседство с мысом Ямада, ограничивавшим с юга как бы «предбанник» этой одноименной бухты. Легли в дрейф. В той стороне, где скрывались японцы, уже не было видно дыма и прочих признаков нахождения там паровых судов. За то время, пока приближались, все, кто там находился, никак не могли успеть скрыться. Маскировались или что-то задумали?! Требовалось срочно прояснить ситуацию.

Недолго думая, снова начали поднимать шар. Но едва он оторвался от палубы на пятьдесят метров (еще даже корзину к баллону не подтянули¹¹), как в воде справа по борту с недолетом примерно в полтора кабельтова разорвались два снаряда среднего калибра. Откуда стреляли, ни видно, ни слышно не было.

Оказавшись под огнем, немедленно дали ход, сразу начав снова прятать «колбасу». Второй и третий японские залпы опять дали недолеты, но уже меньше. При этом все так же не удавалось засечь расположение огневых точек противника. Смотревшие на «Днепр» с трех сторон зеленые склоны не выказывали абсолютно никакой агрессии, исходя из чего был сделан вывод, что огонь ведется из самой бухты и корректируется, вероятно, с сигнального поста. Скорее всего, стреляет один из обнаруженных пароходов.

Резко взбив пену под кормой, с максимальной поспешностью отходили на восток. К счастью, стрельба, оказавшаяся столь неожиданным сюрпризом, была не слишком точной, а

¹¹ С целью повышения безопасности для расчета наблюдателей во время старта шара с палубы на воздухоплавательном крейсере «Русь» еще на Балтике разработали этот новый метод старта аэростата, заключающийся в начальном подъеме одного только баллона воздушного шара на высоту около 80 метров. Там его уже почти не раскачивало ветром. Только после этого к нему подтягивали корзину с наблюдателями и прочим грузом.

вскоре и вовсе прекратилась. Удалившись на сравнительно безопасные три мили, аэростатоносец маневрировал на переменных курсах, держа под прицелом своих орудий выход из бухты, ожидая продолжения. И оно последовало.

Довольно скоро из-за щетины кривоватых сосен входного мыса, уступами понижавшегося к воде, показались шапки густого угольного дыма, а спустя двадцать минут и довольно крупный однотрубный пароход с большой надстройкой в средней части корпуса и хорошо различимыми с такой дистанции орудиями на высоком полубаке и в корме. Едва выйдя из-за своего укрытия, он сразу начал пристрелку, хотя дальность и была довольно приличной. Ему не отвечали, начав отходить еще дальше, желая сохранить дистанцию. Ввязываться в перестрелку резона пока не было. Здоровенная туша аэростата, укрытая только парусиной стенок ангара на корме, могла быть выведена из строя любым, даже самым маленьким осколком. Но в то же время и упускать противника, явно вознамерившегося прорваться, не хотелось. Связаться по радио с вспомогательными крейсерами или Небогатовым возможности все так же не было. Японец заплешиво трещал своим аппаратом, перебивая все депеши.

От Де-Веррайона со вчерашнего вечера никаких известий не получали, так что пока никто не знал, смог он выйти на предписанную ему позицию южнее или нет. Если нет, то, покинув бухту, японцы имели все шансы успеть скрыться. Подхода наших тяжелых кораблей оставалось ждать не так и долго. Требовалось только задержать добычу.

Капитан второго ранга Скальский приказал срочно выпустить газ из оболочки шара и убрать его вниз, от греха подальше. Но, еще не дождавшись окончания его разоружения по всем правилам, приказал выходить наперерез японцу, следом за которым уже тянулся еще кто-то. Разглядеть его пока не давал дым от головного.

Похоже, имели дело с опытными бойцами, прекрасно умеющими взаимодействовать между собой. Головной закрыл ведомого густыми клубами из своей трубы, но этот дым не помешал ему так же хорошо стрелять, не видя цели. Меж тем первый японец быстро набирал ход и уверенно шел на сближение, посылая свои залпы все чаще и точнее.

Оторваться не получалось. Быстро догоняли. А отбиваться на острых кормовых углах было невозможно. Весь ют загромождал ангар. В такой ситуации «Днепр» был вынужден принять бой, будучи не готов к нему.

Чтобы получить возможность отвечать, повернули на юг, приведя японцев на правый траверз. Когда дистанция сократилась до двадцати кабельтовых, ответили всем правым бортом. К этому времени, чтобы выскользнуть на юг, японцам пришлось бы проскочить вдоль самых береговых отмелей, всего в десяти-двенадцати кабельтовых от четырех стодвадцаток бортового залпа русского крейсера. Но противников это явно не смущало. Они уверенно тянули именно на юг, постепенно разгоняясь.

Когда пароходы обогнули мыс Ямада, встав в колонну, их смогли разглядеть во всех деталях. Вдвоем они даже превосходили «Днепр» в силе огня, так как каждый имел по паре шестидюймовок. И их расчеты явно не первый раз оказались в бою. А учитывая еще и огромные размеры нашего аэростатоносца, было вполне закономерно, что именно они открыли счет. Причем это попадание пришлось в корму, где все еще продолжалась возня с шаром.

Поскольку с мостика, отдав распоряжение о срочном разоружении «колбасы», дальше думали уже только о маневрировании и об артиллерийской составляющей боя, становившегося неизбежным, о том, что времени для исполнения уже отданного приказа маловато, никто не вспомнил. Да, собственно говоря, никто тогда и не знал, сколько его может понадобиться. В боевых условиях такого еще никогда не делали.

А служба шара предположила, что крейсер добавил хода и изменил курс, чтобы выйти из-под огня, поэтому все работы по разоружению продолжали выполнять хоть и предельно быстро, но строго по регламенту и инструкции.

Несмотря на начало палубы, в ангаре с крестьянской хозяйственностью все так же выкачивали водород из аэростата и методично загоняли его в баллоны. Начальнику воздухоплавательной команды прапорщику Борщеву приходилось экономить, поскольку запаса кислоты и прочих химикалий на борту оставалось только на одну заправку, а монтаж электрического электролизера до сих пор еще не закончили. Что крейсер решительно идет в бой, опасно сближаясь с противником, из-за парусиновых стенок ангара было совсем не видно. Выглядывать же было некогда и некому. Все находились при деле.

Только когда уже начались близкие разрывы, а потом они еще и участились, наконец плюнули на все инструкции и экономию, поспешно отключив газгольдер¹² и начав разбирать всю арматуру. В начавшейся суете кто-то дернул за шнур разрывного приспособления¹³, не дожидаясь приказа. Газ из оболочки хлынул в ангар, задние шторы которого еще только собирались распахнуть настеж для продува, а путь наверх летучему водороду преграждала оболочка «колбасы», зажата надувными матами с боков.

Но роковой снаряд прилетел чуть раньше! Взрыв шимозной гранаты мгновенно воспламенил водородно-воздушную смесь, заполнившую обширное помещение, огороженное только тканевыми стенами, и еще не успевшую подняться через просветы между брюхом шара и передней и задней стенками.

Вместо едва торчащего черного горба почти стаявшего «Парсеваля» над кормой «Днепра» распух огненно-рыжий шар с ярко-желтыми прожилками, размерами гораздо больше аэростата и весьма зловещего вида. В нем сразу растворились и тонкий парусиновый обвес, и его стальной каркас, вместе со всеми людьми, что были там.

После жаркой, яркой вспышки, сразу сдувшейся и почти не давшей дыма, на юте начался сильный пожар, уже обильно пачкавший все вокруг жирными разводами гари. Тушить начали сразу, но не преуспели в этом. Один из немногих баллонов, что были смонтированы не в трюме, а прямо под ангаром, то ли поврежденный, то ли не закрытый, давал постоянный мощный факел, потушить который не удавалось. От его жара вскоре взорвался соседний такой же, потом еще и еще.

В результате проломило палубу, и огонь проник в жилые помещения, где его дальнейшее распространение удавалось сдерживать с большим трудом, так как главная пожарная магистраль оказалась перебитая, и работали только ручные помпы. Рулевое управление, несмотря на взрывы и пожар, действовало исправно. Машины пока тоже не пострадали.

Вслед за эффектным первым, были и другие попадания. Но ущерб от них оказался не столь значительным. Огромный корпус вполне спокойно поглотил их без ущерба для жизненно важных систем. Только злее стали, да огрызаться начали в полную силу.

Быстро оправившись от шока, вызванного столь трагичным и красочным одномоментным уничтожением воздухоплавательного парка и прилагавшегося к нему оборудования, канониры спешили реабилитироваться. Японцев обстреливали поочередно, не давая им перевести дух. И, стоит заметить, достаточно результативно.

Несмотря на тонувшую в дыму корму, «Днепр» продолжал бой, и его снаряды достигали цели. Два рванули на шлюпочной палубе головного японского вспомогательного крейсера, вызвав возгорание, потом взметнуло дым и обломки на баке, заставив молчать его носовое орудие. Русские пушки уверенно давили обоих японцев. Те сильно уступали в размерах

¹² Газгольдер – переносное или стационарное устройство для приема, хранения и выдачи газа.

¹³ Разрывное приспособление аэростата – устройство для быстрого выпуска подъемного газа из оболочки аэростатов. Используется при аварийных ситуациях или при разоружении привязных аэростатов. На свободных аэростатах разрывное приспособление применяется для быстрого выпуска газа при посадке с целью предохранения аэростата от тренажа (волочения). Шнур разрывного устройства («разрывная вожжа») соединяется с разрывным полотнищем, прикрепленным изнутри к шару и закрывающим открытое отверстие. С помощью шнура воздухоплаватель отрывает разрывное полотнище и выпускает подъемный газ.

и, соответственно, в живучести. Вдобавок их ощутимо раскачивало на зыби, в то время как пароход-крейсер от этого почти не страдал. Безупречная работа артиллерии на первом этапе боя дала столь необходимую передышку, позволив остановить дальнейшее распространение огня. Но заставить противника развернуться не удавалось.

Зато получилось выбить одного из них. Когда головной получил новое попадание, теперь в мостик, и, видимо, потерял управление, его повело вправо. Решив, что с ним уже все и он скоро вылетит на скалы, с еще большим усердием взялись за второго, с первых же залпов добившись попаданий. В то время как ответная стрельба, наоборот, стала неточной.

Казалось, наша берет. Но оставшийся японец, буквально засыпаемый снарядами, упрямо тянул вперед и отвечал. Похоже, вид нашего крейсера, волочившего за собой густой клубящийся темно-бурый шлейф, вселял в него уверенность. К тому же он снова начал попадать. А вскоре вернулся в бой и выбитый недавно противник, хоть и потерявший былую проворность, но отнюдь не желание продолжать. Но он бил вдогонку, издали и пока не точно.

Вскоре стало ясно, что «Днепр» явно оттягивают от выхода из бухты. И причины этому имелись. Из-за мыса Ямада показались еще два судна, довольно проворно продвигавшихся на восток-юго-восток. Для немедленного перехвата аэростатоносец находился сейчас уже слишком далеко от этой парочки, оказавшейся в четырех милях за его кормой. Артиллерией уже не дотягивались, так что пришлось срочно разворачиваться, невольно оставляя еще недобитого врага снова за кормой в мертвой зоне.

Но японцы активно возражали против нашего маневра. Даже возможность безнаказанно бить с кормовых углов их не прельщала. Едва положили лево руля, чтобы, развернувшись почти на двенадцать румбов, встать на северо-восточный курс, ближайший противник двинул наперерез, оставаясь в секторах стрельбы, и сразу же выпустил торпеду. Причем, несмотря на дистанцию более чем в восемь кабельтовых, достаточно точно. Попадания удалось избежать, только резко перекинув руль вправо.

Длинный и высокий корпус неохотно менял направление своего движения, так что, прежде чем легли на параллельный курс с быстро нагонявшей пенной дорожки, уставившись носом на юго-восток, пережили несколько весьма неприятных минут, усугублявшихся точной и частой стрельбой неприятеля. В то время как нашу стрельбу эти метания совершенно расстроили.

Так хорошо сложившаяся картина боя резко изменилась. Теперь уже шимозные гранаты чаще достигали цели. Японцы поджимали с обоих бортов. А внушительные размеры делали горящий рейдер хорошей мишенью не только для снарядов, но и для торпед. Если дальность и дальше будет сокращаться, увернуться будет явно сложнее. Тем не менее разворачиваться было нужно, причем как можно быстрее, чтобы не позволить ускользнуть в океан тем, кого так рьяно спасают.

Едва разминувшись со смертью, снова положили лево руля, введя в дело против второго, догонявшего японца и артиллерию левого борта. Стреляя и направо и налево, русские получили превосходство над своими оппонентами хотя бы по числу задействованных стволов, что давало шанс отбиться.

Пушки частили, как могли, вздыбливая воду недолетами и перелетами, а порою и выбивая из враждебных бортов и надстроек снопы дыма, огня и искореженных обломков. Горели уже все три судна, но все так же усердно гвоздили друг друга без устали. Но наши пятидюймовки бухали чаще. Да и попадать стали, как всем казалось, больше. Казалось, еще чуть-чуть, и все решится.

Поддавшись азарту дуэли на пистолетных дистанциях, все на мостике «Днепра» забыли, что минный аппарат у японцев, возможно, не один, следовательно, эта угроза еще не миновала. А они сумели этим воспользоваться.

Второй наш противник, также правивший на пересечку курса, к которому «Днепр» теперь стремительно приближался, только и ждал удобного момента. Чуть потянув, для уверенности выждав, пока русский не ляжет окончательно на новый курс, он выстрелил свою самоходную мину.

На этот раз дистанция в момент залпа оказалась менее шести кабельтовых, и ракурс для стрельбы был гораздо благоприятнее. Так что избежать попадания не удалось. Хоть команду: «руль лево на борт» отдали сразу же, пока, задействовав все переключатели, золотники и редукторы, румпель перевели в нужное положение, прошли десятки драгоценных секунд. Но даже и после этого своими тысячами тонн инерции еще продолжая переть вперед, «Днепр» какое-то время упорно катился прямо, часто стреляя из всех пушек.

Одновременно с переключкой руля, машины пустили враздрай, желая ускорить разворот длинного и тяжелого корпуса носом к опасности. Хоть и не сразу, но это помогло. Форштевень нехотя покатился влево, постепенно ускоряясь, но откинуть корму с пути быстро разматывавшейся белой дорожки из всплывающих пузырьков все равно явно не успевали!

Спустя меньше минуты после торпедного выстрела испускавшая их стальная сигара ударила в левый борт позади надстройки. Но, благодаря всем принятым мерам к ускорению разворота, она достигла цели, придя с острых носовых углов. К тому же попадание пришлось в заднюю скулу, имевшую также довольно острые обводы. Взрыватель ударного действия не сработал. Торпеда скользнула вдоль обшивки, мелькнув длинной тенью, закувыркалась в водовороты обтекавшего корпус океана и скоро пропала из вида в пене.

Когда всем уже казалось, что угроза миновала, где-то под ютом прогремел взрыв, сильно встряхнувший весь корабль. Видимо, стальную сигару затянуло под винт, вращавшийся на заднем ходу, и боевая часть все же детонировала от удара одной из его лопастей.

Весь корпус затрясло. Левую машину пришлось сразу остановить из-за опасных вибраций. Вдобавок заклинило руль. В корме открылись сильные течи. Трюмные бросились в поврежденные отсеки, задраив люки за собой, но быстро выяснить место повреждения не смогли. Вода стремительно прибывала, а крейсер продолжал беспомощно катиться влево, постепенно замедляясь.

При этом он уходил под корму ближайшего из японцев, попытавшись «причесать» его продольным огнем. Но на циркуляции из этого ничего не вышло, а вот под его выстрелы подставились по полной. Тот остервенело лупил из кормовой пушки, добавляя мелочовкой с надстройки. Если бы не удачное попадание нашей трехдюймовки, заткнувшей ему главный калибр, пришлось бы совсем туго.

А на мостике прикидывали, как теперь из всего этого вывернуться, и принимали один неприятный доклад за другим. Больше, чем повреждения от снарядов, беспокоила торпедная дыра в корме. Только спустя семь минут старший механик отчитался, что распространение воды удалось остановить на кормовой переборке заднего трюма. Но заливаet все позади нее. Людей оттуда уже вывели, люки и горловины закрыли. Крепят. Так что тонуть теперь уже бывший аэростатоносец пока не собирался.

К этому времени совершенно не управляемый, все еще горящий и ходящий по кругу пароход-крейсер не имел возможности не только перехватить убегавшие пароходы, но и отбиться сам. Попадания становились все чаще. Фор-стенга рухнула, сбита очередным снарядом, смяв правое крыло мостика.

Тут из блиндированной рубки горящего, яростно, но уже почти безрезультатно отстреливавшегося «Днепра» совершенно неожиданно увидели, как недалеко от удалявшихся на восток транспортов, которых так и не удалось достать, встали нехилые всплески разрывов. Сначала решили, что это собственные шальные перелеты, но для них слишком далеко. К тому же они повторились. А вскоре разглядели на горизонте и далекий, размытый дымкой силуэт их автора.

Беглецы, оказавшись под огнем, сразу развернулись на обратный курс, ломанувшись назад в бухту. А оба охранявших их вспомогательных крейсера, уже пристраивавшихся было поудобнее, чтобы добить русского, которого так удачно подловили, полным ходом бросились к ним. Уже на отходе дали напоследок три залпа, и все. Похоже, для «Днепра» бой закончился. Даже не верилось!

Спустя полчаса с пожаром наконец справились, К этому времени с крейсера, застопорившего и правую машину, уже уверенно опознали в показавшемся с северо-востока корабле наш «Адмирал Нахимов». Это его очень своевременное появление вынудило противника вернуться в бухту. К полудню подтянулся и «Николай I».

Оказавшись блокированными такими серьезными силами, японцы затихли и больше не предпринимали никаких активных действий. Вероятно, надеялись отсидеться до темноты, а потом пробраться вдоль самых скал. Судя по тому, как уверенно они маневрировали, воды эти им известны хорошо, в отличие от нас.

Еще одним их преимуществом, несмотря на явный проигрыш по тоннам водоизмещения, килограммам бортового залпа и миллиметрам брони, являлось наличие надежной связи посредством берегового проводного телеграфа, чего не было у разделенных значительными расстояниями русских отрядов, напрочь «оглохших» от мощных помех, постоянно источаемых чужой станцией.

О своих притеснениях противник уже наверняка наябедничал всем кому надо. Над горой Карогатаке поднимался столб сигнального дыма, в дополнение к густым клубам, валившим из труб судов, укрывшихся во внутренней акватории бухты, и растягиваемым легким ветерком. Сами пароходы невозможно было разглядеть за скалистым мысом, поросшим корявым мелколесьем, как бы ни ерзали наши корабли перед входом.

Ситуация сложилась патовая. Мы пока не могли их прихлопнуть, они в данный момент не имели возможности удрать. И что делать дальше, никто не знал.

С отступлением противника появилась возможность основательно осмотреть повреждения «Днепра». Все, что появилось от взрывов и пожаров, оказалось не так уж и страшно. Искореженные палубы и выгоревшие внутренние помещения находились гораздо выше воды. Снарядных попаданий набиралось почти два десятка. Но разрушения в надстройках, жилой и эмигрантской палубах на боеспособности сказались не сильно. Укоротившаяся мачта и оборванный рангоут вместе с растяжками антенн, когда рядом свои, тоже терпимо.

Самым печальным стало сообщение о гибели всей obsługi «колбасы» и экипажа наблюдателей. Все воздухоплавательное оборудование полностью вышло из строя, а шар уничтожен. От пожара и взрывов пострадало также хранилище оболочек, где выгорели запасы лака и ткани, кладовые химикалий, аэромастерская и газоделательный завод. Но непосредственно на способность держаться на плаву это все не влияло. А вот то, что скрывалось под водой, вызывало серьезные опасения.

Крейсер встал на якорь. Изгибом берега его хорошо закрыло от зыби, так что, даже не имея водолазов, удалось буквально ощупать всю подводную часть пострадавшей кормы. Полное безветрие этому способствовало. Результаты не обрадовали. Взрывом торпеды руль намертво заклинило в положении лево на борт. Само перо руля оказалось загнуто, и вернуть его в прямое положение не представлялось возможным. Кроме того, сорвало левый винт и повредило кронштейн вала. Не исключено, что вал тоже погнут.

В таком состоянии можно было ходить только кругами. Даже буксировка оставалась под вопросом, до тех пор пока не удастся поставить перо руля прямо или просто избавиться от него. Кроме того, предстояло заделать две дыры от японских фугасов, оказавшиеся в опасной близости от новой ватерлинии. Меры по всем этим направлениям уже принимались, о чем и доложили Небогатову.

А на «Николае» размышляли, что же теперь делать. О продолжении осмотра берега дальше к югу речи уже не шло. Подходящих бухт там не было, а подранка одного не оставишь. Да и добычу, так и не добытую им, нужно стеречь, а лучше поскорее прикончить. Вот только как?

Хотя все четыре японских парохода оказались надежно заперты в своем укрытии совсем рядом, в пределах дальностей эффективного огня артиллерии, без аэростата достать их там не представлялось возможным. Размеры бухты и наличие минных аппаратов на вспомогательных крейсерах противника не оставляли шансов тяжелым кораблям войти и уничтожить их огнем. А обстрел по площадям, не видя целей, явно не даст нужного эффекта. Оставалось только ждать появления Де-Веррайона, чей шар, учитывая пока еще приличную видимость, уже давно должен был показаться над горизонтом. Если, конечно, и с ним ничего не случилось. Обгоревшая корма «Днепра» вызывала неприятные ассоциации, но вслух об этом не говорили, боясь сглазить.

Однако его все не было, что уже начинало беспокоить все больше. Со вчерашнего вечера командование отряда абсолютно не имело сведений о своих вспомогательных крейсерах. Послать кого-то ему навстречу пока не решались. Разделять силы казалось слишком рискованным, тем более при такой неожиданно результативной активности японцев.

В попытке установить визуальную связь с Де-Веррайоном над «Николаем» подняли змей с сигнальным вымпелом, под которым был набран сигнал срочного сбора. Ничего большего, увы, пока не могли.

За всеми хлопотами с оценкой размеров ущерба, перемежавшимися рапортами и запросами с «Нахимова», изображавшего легкую кавалерию, а потому со всей возможной для него грацией осматривавшего ближайшие бухты Фунакаши, Отсуши, Руоши и Камаиша, незаметно прошло еще два часа.

Никого больше не нашли. Но, учитывая, что сами гавани с грузного броненосного крейсера осматривали издали, даже не сунув в них носа, а пущенная для разведки шлюпка угодила под ружейный огонь с берега и сразу вернулась, это было не точно.

Между тем видимость начала ухудшаться из-за накатившей влажной душной дымки, а наш шар на горизонте все не появлялся. От вчерашнего радужного настроения не осталось и следа. Радио не действовало. Автономный отряд вспомогательных крейсеров, начавший воевать еще вчера, запропастился где-то в чужих водах. Японцев нашли, но достать не смогли. Зато они сумели крепко подбить большущий и ценный пароход-крейсер, из-за чего все дальнейшие оперативные планы рушились. Более того, не исключалась вероятность, что его придется добить, чтобы не сковывал в движениях остальных. Кто знает, чего еще японцы приготовили. А тут еще духота какая-то навалилась, аж дышать нечем. Или это только кажется так из-за нервов. Ничего хорошего уже не ждали.

Когда в половине первого часа пополудни марсовые углядели дымы, быстро приближавшиеся с южных румбов, решили, что это силы поддержки, вызванные японцами. Теперь казалось вполне возможным, что они могли включать в себя броненосный и бронепалубный крейсера с целой сворой вспомогательных. А также истребители с миноносцами. И это против двух кораблей, хоть и способных биться в линии баталии, но с устаревшей артиллерией.

По отряду объявили боевую тревогу, срочно начав свозить с «Днепра» на броненосец всех не задействованных в несении вахты, а сам крейсер готовя к подрыву. Вполне могло так сложиться, что отстоять его, не имея возможности для полноценного маневра рядом с прибрежным мелководьем, не удастся. А спокойно заниматься спасательными работами японцы, если это они приближаются, точно не дадут.

Тем временем дымы с юга быстро росли, и вскоре из мглы показались уже мачты, а затем надстройки и корпуса трех крупных кораблей. Но разглядеть, кто это, все еще было нельзя. Южный ветер, постепенно набиравший силу, сносил дыхание их труб прямо на «Днепр».

«Николай» выдвинулся дальше к югу и вместе с «Нахимовым» занял позицию между неподвижным калеккой, уже выбиравшим якоря, и приближавшимися кораблями, развернувшись к ним бортом.

Видимо, прочитав этот маневр, подозрительные суда снизили ход. И тут под кормой оставшегося за спиной у главных сил «инвалида» грохнули один за другим три взрыва. Дым и водяная пыль, поднятая ими, словно надули серую клубящуюся подушку под нависающим подзором, медленно расстилавшуюся по волнам. Небогатов, услышав это, метнулся на противоположную сторону мостика, на бегу вынимая трубу и теребя сигнальщики.

– Миноносцы?! Подлодка?!

И тут посыпались доклады наблюдателей:

– С «Днепра» передали, что пироксилиновыми патронами руль подорвали. Еще одна закладка нужна.

И сразу с другого борта:

– Над головным «колбасу» поднимают! Кажись, наш опознавательный передают! Точно! «Ураловский». Наши это!

Следом так же обозначили себя и «Амур» с «Сунгари». А с флагмана Де-Веррайона отчитались, что противника к югу от себя не наблюдали, шар починили и готовы использовать.

Адреналин, бродивший в крови, требовал выхода, и объект применения усилий (точнее, сразу четыре объекта) как раз оказался под рукой. Так что с приходом подкреплений немедленно занялись уничтожением заблокированного противника. Лезть в теснину теперь никакой нужды не было. Пользуясь целеуказаниями с шара, стало можно дотянуться до него через узкую полоску суши. Первую пристрелочную порцию перекинули еще до полного воссоединения отрядов. Били сразу по ЦУ, так что снаряды положили в нужном углу бухты вполне даже прилично.

Но тамошние «постояльцы» всполошились еще до этого. С них хорошо видели черную каплю аэростата и прекрасно понимали, чем это грозит. Просто так погибать они не захотели. Оба вспомогательных крейсера совсем скоро двинулись в атаку, в таких условиях изначально однозначно безнадежную.

Начало их выдвижения, естественно, углядели из корзины, так что на этот раз шансов не было. Получив предупреждение и заранее распределив цели, броненосец и броненосный крейсер встретили японцев очень точным огнем, едва те показались на выходе из узости. Вполне ожидаемо под ураганным обстрелом с тяжелых кораблей из всех имевшихся калибров сблизиться на дальность вожаемого прицельного торпедного выстрела ни один из них так и не смог.

Для шестидюймовок у Небогатова имелись мощные тонкостенные бомбы завода Рудницкого. Отчет об их боевом применении «Нахимовым» в штабе изучили. Но то была теория, а сейчас получили возможность вживую увидеть, каково это, сравнивая и анализируя. Впечатлило!

Всего несколько таких попаданий остановили первого из атакующих, едва он миновал мыс Кариодозаки. Тот запарил и резко отвернул вправо, даже не дождавшись адресованного ему залпа тяжелых пушек. Все больше окутываясь клубами пара из разбитого котла и дыма от набиравших силу пожаров, он явно замедлялся, стараясь дотянуть до мелководья. Но не смог и затонул чуть восточнее мыса после сильного внутреннего взрыва.

Второй ушел лишь немного дальше и даже успел начать разворот для торпедного залпа (это в двенадцати кабельтовых от короткой русской колонны – явный жест отчаяния). Но он к этому времени уже горел от трубы до самой кормы, а после очередной порции накрытий тоже взорвался и быстро затонул. Когда шлюпки с «Днепра» подошли к месту его гибели, из воды успели поднять только 17 человек, пятеро из которых были ранены, в том числе два офицера. С первого вообще никого не нашли.

А воздушные наблюдатели продолжали сообщать новости. Пока наши корабли отвлекались на отражение атаки, два судна, оставшиеся в бухте, аккуратно приткнулись к отмелям. Один у ее пустынного северного берега, где было русло какой-то речушки с рыбацкой деревушкой, а другой – в противоположном углу, к пляжу в небольшой долинке, расчерченной контурами полей, с крестьянскими домишками под склонами зажимавших ее сопки. После чего стравили пар из котлов и, судя по начавшим клониться вбок мачтам, открыли кингстоны. Экипажи не спеша покидали их.

С шара это все было прекрасно видно. Соответствующий доклад, что отмигали из корзины на флагман Небогатова, породил предложение – сэкономить время, да и снаряды тоже. В самом деле, чего возиться и порох жечь понапрасну, раз японцы уже сами себя прикончили. Но в итоге решили поупражняться в перекидной стрельбе, раз уж представилась такая возможность. Да и оставлять их, хоть и притопленными, но целыми, как-то не хотелось. Присевший на корму, закопченный «Днепр» все еще взывал об отмщении. Как выяснилось, хлопотали не напрасно.

Первым стрелял «Нахимов». Корабль Гвардейского экипажа, заслуженный ветеран и прочая, прочая, можно сказать, оконфузился. Он смог накрыть ближайшее судно, что стояло у реки, только с девятого залпа. И это при отсутствии противодействия противника и полной неподвижности цели и его самого. Сказывалось отсутствие подобной практики у комендоров. Да и расчет шара был укомплектован еще недоученными наблюдателями-корректировщиками.

Так или иначе, переглушив немало рыбы, развалив полдеревни и расщепив несколько сосен на берегу, все же нащупали виновника этого погрома и перешли на беглый огонь. После чего наблюдатели успели отметить только одно попадание, которое разнесло в клочья весь пароход мощнейшим взрывом. Вставшее над бухтой грибовидное облако в несколько сотен метров высотой видели с палуб всех наших кораблей. После такого сомнений в целесообразности расхода боезапаса уже не оставалось.

Вторым отстрелялся «Николай». Он добился накрытия уже с четвертого залпа. После чего жертва обстреливалась не частым, но максимально точным огнем еще в течение получаса. На этот раз взрывов не последовало, несмотря на множество попаданий калибром от шести до двенадцати дюймов. В конце концов на судне оказалась полностью разбита носовая часть и надстройка. В трех местах возникли сильные пожары, которые никто не тушил, и они довольно быстро принялись пожирать весь брошенный пароход.

При подведении итогов количество истраченных снарядов оказалось примерно равным, так что гвардейцам, если не вдаваться в подробности, было не так обидно. Но оргвыводы последовали. С флагмана отмигали ратьером приказ «Нахимову» проверить и выверить приводы наведения башен и указатели Гейслера, а аэронаблюдателям «протереть» оптику. Об исполнении доложить!

К этому моменту на «Днепре», повторно заложив и подорвав пироксилиновые патроны, удалось избавиться от остатков искореженного руля. На баке хлопотала боцманская команда, готовя к подаче якорную цепь. Цепляться решили сразу капитально, чтобы потом не морочиться. Оставалось дожидаться назначенного в буксиры.

А воздух и в самом деле становился все более влажным, липким. Духота буквально давила. От высотной разведки толку теперь было мало. Видимость ухудшалась и на данный момент не превышала шести миль. Даже на большой высоте обзор резко ограничила густеющая мутная мгла. Было в ней что-то необъяснимо тревожное, заставлявшее торопиться.

После окончания бомбардировки аэростат уже больше мешал, сковывая маневры его носителя, а с ним и всего отряда. К тому же «Урал» в начале предполагалось использовать для разведки впереди по маршруту движения, поскольку он теперь был единственным скороходом в объединенном отряде.

Однако рисковать столь ценным и теперь единственным аэростатоносцем, к тому же, как выяснилось, чрезвычайно уязвимым, Небогатов не решился, определив в буксировщики именно его. Так достигалась максимальная безопасность, поскольку при формировании походного ордера сцепка пароходов-крейсеров в любом случае окажется в самом его центре, надежно опекаемая со всех сторон.

К тому же машины на нем были самые мощные, да и размеры сопоставимые, так что должен справиться, еще и общую скорость обеспечит приемлемую. А для разведки впереди по курсу теперь и пятнадцати узлов «Амура» за глаза хватит.

Глава 7

Закончив спасательные работы, приступили к заводке буксира. Благодаря заранее проведенным подготовительным мероприятиям, управились достаточно быстро, потихоньку двинувшись на север, постепенно удаляясь от побережья. Вытравленная почти на всю длину якорная цепь успешно гасила рывки от зыби. Даже начали набирать обороты.

Еще когда «практиковались в стрельбе», всех пленных свезли на флагманский броненосец и предварительно допросили. Но сведений добыли чуть. При этом отмечалось нездоровое возбуждение японских офицеров, один из которых обмолвился о каком-то божественном ветре, который совсем скоро сметет корабли русских варваров. Добиться чего-то менее мистического и более-менее внятного от них так и не удалось. Решили, что контуженые или просто тронулись чуток на почве нереализованной жажды мщения. Бывает.

Опрошенные матросы оказались не столь заносчивы, но смогли пояснить только про божественный ветер, разметавший когда-то давно флот монгольских завоевателей. Это у них что-то вроде народного предания, передаваемого из поколения в поколение. Назывался тот ветер – камикадзе. Но увязать это с отрядом и локализовать потенциальную угрозу, если она действительно есть, пока не получалось.

Переводчики, работавшие с прочими японцами, отмечали, что все гражданские шкиперы и члены их команд, которых пока еще не опрашивали, выглядели встревоженно. Это же заметил и командир «Николая» капитан первого ранга Шульц, лично проверявший размещение «пассажиров».

Из лоций было известно, что в сентябре – октябре в этих местах случаются сильные штормы, весьма опасные для любых кораблей. Явные предвестники ухудшения погоды в виде падающего барометра, быстро растущей влажности, наползающей плотной облачности и усиления ветра и волнения уже были налицо. Но что делать, чтобы не оказаться на пути этой стихии?

Людей, хорошо знавших северные японские воды, на эскадре не было. Но и так понимали, что пора убираться. Учитывая наличие тяжело поврежденного корабля, признавалось желательным срочно где-то укрыться. Но подходящих нам гаваней на маршруте отхода до самого пролива Цугару не имелось.

На всякий случай флагманский штурман отряда Федотьев приказал вызвать на допрос японского капитана Хасегаву с потопленного «Амуром» судна. Тот всю свою жизнь ходил сначала под парусом, а потом на пароходе вдоль тихоокеанского побережья Японских островов и наверняка знал, что нужно делать сейчас.

На вопрос о причине его беспокойства седой моряк после небольшой заминки ответил, что вся эскадра идет сейчас навстречу сильному шторму. Это очень опасно. Он бы уже давно приказал поворачивать к юго-востоку. Только так пока еще можно избежать беды. Но скоро может стать совсем поздно.

Ему, естественно, не поверили, решив, что пытается заманить нас в ловушку, но после недолгого размышления эта версия была отвергнута. Капитан небольшого каботажника с самого начала содержался отдельно и не имел возможности общаться с последними пленными военными моряками. Поэтому просто не мог знать, куда нужно нас заманивать. На человека, способного умереть, лишь бы погубить захвативших его врагов, он совершенно не был похож. С предстоящим пленом вполне смирился, он ведь не самурай. Главное, жив остался. А война кончится – вернется к семье. К тому же он вполне убедительно объяснил свои опасения.

Самым первым признаком приближения мощного шторма была необычно тихая и душная погода, что держалась в первой половине дня. Багровый рассвет также относился к характерным приметам. Это, так сказать, признаки общего плана, но есть и конкретика. По словам

Хасегавы, по положению и направлению движения кучевых и перьевых облаков, появившихся еще вчера на закате, можно определить направление на самое сильное место шторма. Кроме того, о направлении его движения можно судить по зыби. Сегодня утром она шла с юго-востока, а сейчас уже довольно давно развернулась и идет с севера. Направление ветра тоже сменилось на западное. А теперь еще и дождь собирается. Как утверждал японец, сейчас шторм находится немного юго-восточнее входа в Цугару и идет именно к проливу. На входе в него, вероятно, сейчас сильная гроза с ветром и ливень. К тому времени, когда эскадра доберется туда, он как раз наберет максимальную силу.

На словах о сильной грозе и ливне флагманский штурман и командир броненосца невольно переглянулись, так как еще три часа назад была получена телеграмма из Хакотдате о быстром ухудшении погоды. О ней японец точно ничего не знал. Более связаться с базой не удавалось, а сейчас все станции принимают исключительно треск мощных атмосферных электрических разрядов.

Оставив шкипера в каюте под охраной двух матросов, оба офицера отправились к Небогатову с намерением убедить его изменить курс. Контр-адмирал сначала был категорически против, так как считал, что следует возвращаться, причем как можно скорее, а значит, идти по самому короткому маршруту. Он прекрасно видел, что погода портится, но считал, что шторм не столь опасен, как возможные минные атаки противника. Учитывая, что в составе отряда нет малых кораблей, считалось, что непогоду, если не успеем укрыться в проливе, можно переждать и в море. Но доводы Федотьева показали ему убедительными и заронили в душу сомнения.

Прежде чем принять окончательное решение, он решил сам пообщаться с Хасегавой. В ходе короткого разговора скорее пытался выяснить, имеет ли японец сведения о расположении японского флота в Тихом океане в данный момент, а также какие способы связи используются противником на побережье и между судами в море.

Однако ответить на подобные вопросы старый шкипер не мог, так как никогда не имел дела с военным флотом, а все переговоры его судна сводились к флажному семафору и морзянке фонарем. Да, сигнальные книги и карты он уничтожил, но такова инструкция в военное время. Однако все прочие судовые документы предоставил по требованию командира оставившего его корабля. Делится сейчас знаниями о поведении штормов только потому, что отвечает за каждого моряка из своего экипажа перед их семьями и не хочет напрасной гибели кормильцев.

Для окончательного решения Небогатов приказал опросить также штурмана с этого парохода и других гражданских моряков. Все они с момента попадания на наши корабли содержались в трех разных кубриках отдельно от военных и под постоянным наблюдением, так что не могли сговориться. Этот перекрестный опрос через час с небольшим также выдал рекомендуемый курс на юг, юго-восток или восток, но категорически не на север. Все допрашиваемые были единодушны в утверждении, что в такую погоду лезть в самую середину бури небезопасно даже самым большим кораблям.

К этому времени быстро крепчавший ветер уже достиг девяти баллов и продолжал набирать силу. Волнение также заметно усилилось. Все на эскадре не раз помянули добрым словом старшего механика «Днепра», распорядившегося сразу подавать для буксировки якорную цепь, а не простой канат. Да, возились дольше, зато теперь, заведенная за кормовую надстройку и грузовое хозяйство заднего трюма «Урала», дополнительно расстропленная всем, чем только смогли, она с лязгом и грохотом доламывала ему палубу юта, но на волнах не рвалась, гася провисом своих стальных тонн особо сильные рывки.

К счастью, пушку с поврежденного фундамента на высокой корме буксировщика сняли еще до выхода в море, пустив на усиление батарей Хакотдате, а то бы она уже давно улетела в

волны, срезанная рывками мотавшегося в разные стороны в кильватере среди пенных гребней заметно осевшего кормой «инвалида».

Беспомощно волочившийся на «ляжке» «Днепр» старался облегчить работу собрату, как мог. В останках ангара кипела работа. Все тяжелое, но пришедшее сейчас в полнейшую негодность, несмотря на болтанку, откручивали либо срезали и сплавляли за борт. Помимо максимальной разгрузки поврежденной оконечности пытались еще и подрабатывать исправной правой машиной.

Но хорошего из этой затеи вышло мало. Слишком сильно при этом начинали рыскать на курсе, а волны, словно играясь, еще дальше откидывали задравшийся нос влево. Большая парусность из-за высокого борта также не улучшала управляемости при таком мощном встречном ветре. Только когда всем отрядом приняли немного вправо, волна, накатывавшая теперь в левую скулу, стала частично гасить разворачивающийся момент от винта, медленно проворачивавшегося на малом ходу. Скорость движения хоть чуть, но возросла.

Уже в сумерках по эскадре передали приказ еще больше принять вправо и лечь курсом на юго-восток. Ходовые огни держать зажженными до улучшения погоды. Строй разомкнутый. В голове «Амур», за ним «Сунгари», потом «Урал» с «Днепром». «Николай» на левом фланге, «Нахимов» на правом. Дистанцию вскоре приказали увеличить до пяти-шести кабельтовых.

После смены курса «Днепр» начало разворачивать лагом к волне. Машину пришлось остановить, что несколько улучшило ситуацию. Волна и ветер теперь подгоняли, но особой радости это никому не доставляло, поскольку все дальше уходило в океан. Риск не успеть потом проскочить в Хакотдате засветло увеличивался. А ночью их, ползущих со скоростью черепахи, наверняка будут ждать. В то же время болтаться еще одну ночь в беспокойном море было чревато. Шторм уверенно крепчал, а от непогоды подбитый бедолага, набравший немало воды в кормовые отсеки, страдал явно больше всех остальных и мог такого просто не пережить. Отяжелевшая от принятой воды кормовая часть отказывалась всходить на догоняющую волну. Но благодаря возвышавшейся на один уровень палубе позади кормовых трюмов и большому развалу шпангоутов, уцелевшие крышки, люки и палубные надстройки пока не сорвало, и значительных дополнительных затоплений удавалось избежать, удерживая судно на плаву.

До самого рассвета эскадра боролась со штормом и ураганным ветром, достигавшим силы десять-одиннадцать баллов. По мере изменения направления движения волны, высота которой порою превышала семь метров, вынужденно меняли и свой курс, предпочитая теперь встречать ее носом или хотя бы скулой с углом градусов в тридцать, не более. Появилась неприятная дрожь, шедшая от днища, вызываемая бьющимися в него волнами. Такое явление у моряков зовется слеммингом. Пришлось снизить ход, чтобы ослабить его влияние.

Утро не принесло облегчения. Отмечалось, что цвет воды стал зловеще темным. Почти черным. Зафиксировали скорость ветра двадцать семь метров в секунду, а при порывах – до сорока трех. При этом периодически проходили необычайно высокие, крутые и короткие волны, отличавшиеся большой шириной. Имея длину, сопоставимую с длиной корпусов вспомогательных крейсеров, при высоте под двенадцать метров, они были наиболее опасны и заставляли дрожать и стонать набор корпуса. Брызги, струи и даже целые потоки воды, взбиваемые форштевнем, летели на палубы и мостики, срывая парусиновые обвесы с лееров, тенты со сходных люков и шлюпок, а порою и их самих. Более короткие, но грузные «Нахимов» и «Николай» подпрыгивали на огромных водяных валах, как поплавки, размашисто кивая мачтами, временами зарываясь в воду почти до середины корпуса. На них тоже без усталости качали воду.

Только ближе к полудню погода начала улучшаться, хотя стрелка барометра замерла в раздумьях на цифрах 743 еще ночью. Теперь же давление уверенно росло, толкая ее в благо-

приятную сторону. Дождь прекратился совсем. В тучах появились разрывы. Стало ясно, что шторм уходит.

Но сходящаяся с разных направлений океанская зыбь, накладываясь на все еще сильное ветровое волнение, порождала огромные валы, увенчанные шапкой пены. Они возникали всего в полумиле или чуть дальше, оставляя совсем немного времени для маневра встречи. Их могло образоваться штуки по две-три за пять-шесть минут, а могло и не быть вовсе час и более. Такое волнение выглядело совершенно противоестественным на фоне явно слабеющего ветра.

Воспользовавшись показавшимся солнцем, штурманы определились с местом. Оказалось, что за ночь спустились до параллели бухты Хирата, находясь примерно в восьмидесяти милях от берега. Довольно далеко от безопасных вод. Нужно было спешить. Не дожидаясь полного окончания шторма, используя уже известные приметы, эскадра начала разворачиваться на курс к дому, обходя стороной опасный район.

Обрадовавшись расширению горизонта, выслали вперед «Амур» для разведки. Пользоваться радио пока еще было сложно. Сильный фон, явный отголосок прошедшей совсем рядом бури, почти не позволял разбирать получаемые телеграммы, поэтому дальше границы зоны видимости разведчику уходить запретили. Отойдя на семь миль, он двигался впереди широким зигзагом.

На новом курсе шли навстречу все еще сильной волне, что заметно снижало и без того невеликую скорость движения. Все корабли сильно мотало, но, держась носом на волну, «Днепр» страдал заметно меньше, чем когда волна хлестала его в дырявую кормовую оконечность. Экипажу за эту ночь изрядно досталось. Вряд ли хоть кто-то смог поспать. Беспреданно качали воду, обильно захлестывавшую в проломы развороченной палубы, и устраняли постоянно появлявшиеся штормовые повреждения.

За весь день не видели ни одного судна. Японских дозорных также не наблюдали. Хотя погода и улучшалась, облегчения командам это не дало. Тяжелая зыбь, постепенно разворачивавшаяся на северо-восток, сильно валяла корабли. Люди, уже вымотавшиеся до предела за прошедшие сутки, буквально валились с ног. Машины «Урала», все это время работавшие на пределе мощности, начали сдавать. Скорость движения снизилась с семи узлов сначала до шести, а потом и до пяти.

Небогатов приказал готовиться к буксировке и «Амуру», как наиболее мощному, чтобы сохранить общую скорость на уровне семи узлов. Иначе к следующему рассвету эскадра оказывалась все еще слишком далеко от восточного устья Цугару. На позиции головного дозора его сменил «Сунгари».

Ротацию провернули быстро, но дальше не заладилось. Из-за сильной качки завести буксир долго не удавалось. Более того, далеко выдававшийся вперед «клиперский» форштевень «Днепра» помял борт на юте бывшего графа. При этом обломило бушприт, и разошлись швы обшивки на полубаке «инвалида», а в палубе образовалась здоровенная дыра. К счастью, все это безобразие задрало достаточно высоко, и его вообще не захлестывало волнами. Так что плавучести и без того увечного вспомогательного крейсера новые повреждения не угрожали.

С большим трудом, спустя полтора часа после начала работ, буксир все же подали. В таких условиях завести якорную цепь даже не пытались. Использовали самый толстый из имевшихся тросов. Но едва «Амур» впрягся в работу, спустя всего сорок минут, десятидюймовый пенковый канат лопнул, и все началось сначала. На этот раз канат подали в две линии, благодаря чему он продержался почти три часа, после чего его снова оборвало. Поскольку уже совсем стемнело, а качка не уменьшалась, от повторных попыток «пристегнуть» «Амур» пришлось отказаться до утра.

Хоть за ночь море и угомонилось, утро 17 октября добрым вовсе не было. Выяснилось, что рассвет отряд встретил в виду японского берега, в пятидесяти милях южнее мыса Сирияки. Это было значительно западнее предполагаемого штурманами места. Показываться вра-

жеским сигнальным постам поблизости от рейда Хатинохе в таком виде Небогатов вовсе не собирался. Получалось, что за ночь штормом их снесло миль на десять-двенадцать дальше, чем рассчитывали.

Сразу приняли вправо, начав удаляться, опять встав носом к волне. Ветер явно слабел, но набегавшие водяные валы, еще дальше развернувшись к востоку, оставались еще серьезным препятствием. На западе и южных румбах появились просветы, все остальное небо снова заволочило тучами. Видимость достигала шести-семи миль, ограничиваясь плотной дымкой, более густой к северу. Эскадра тащилась всего на пяти узлах.

Едва чужие горы пропали во мгле за кормой, снова повернули на устье Цугару. Никаких судов поблизости не видели. Вперед на разведку опять отправили «Амур». Через полчаса он полностью растворился в сырой хмари, размывавшей стык моря и неба. Не было видно даже его мачт и дыма.

Попытались связаться с Хакотдате, но неудачно. Сильный атмосферный фон по-прежнему забивал весь эфир. Но «Николаю» и «Уралу», хотя и с трудом, удавалось переговариваться по радио со своим разведчиком. В то же время шедшие в составе основных сил всего в четырех с небольшим милях друг от друга «Нахимов» и «Сунгари», имевшие более ранние станции меньшей мощности, не слышали не только его, но и своего соседа, и могли общаться только семафорами, фонарями и другими видимыми сигналами. Эскадра ползла в разомкнутом строю в боевой готовности.

С уходом «Амура» для ускорения буксировки «Днепра» принялись «впрягать» «Сунгари». На этот раз заводку буксира удалось закончить гораздо быстрее. Канат снова подали в два рукава, максимально вытравив по длине. Поскольку качка стала теперь бортовой, рывки заметно смягчились и были уже не столь опасны. Трос благополучно выдерживал их, и уже к девяти часам утра удалось довести скорость сцепки до целых восьми узлов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.